

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІХ.

1895.

І Ю Н Ъ .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	37
— Семнадцатое и восемнадцатое приоужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	1
И. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки	251
В. П. Модестовъ. Древнѣйшій періодъ Рима	292
И. В. Владиміровъ. Введеніе въ исторію русскои словесности (продолженіе)	324
И. Я. Марръ. Периодская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ „Амирандареджаніани“	352
О. П. Леонтовичъ. Основный типъ территориально-административнаго состава литовскаго государства и его причины	366
И. А. Кулаковскій. Павелъ Іосифъ Шафарикъ	404

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. М. Позднѣвъ. Китай. Очерки географіи, экономическаго состоянія, административнаго и военнаго устройства Средней имперіи и военнаго значенія пограничной съ Россіею полосы. (Съ XVI чертежами). Генеральнаго Штаба полковникъ Д. В. Путьки. С.-Пб. 1895.	448
А. Е. Ирѣсняковъ. Новыя данныя для изученія московскихъ летописныхъ сводовъ	466
— Замѣчаніе редакціи по поводу статьи профессора Позднѣва: „Послѣднія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества на разговорномъ калмыцкомъ языкѣ“	475
— Книжныя новости	476
— Наша учебная литература (разборъ 15 книгъ)	37

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Императорское общество исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ въ 1894 году	57
— П. В. Павловъ (некроль)	75

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. Н. Крашенинниковъ. Эпиграфическіе взгляды (продолженіе).	81
И. И. Холодникъ. Эпиграфическія замѣтки	112
А. В. Никитскій. Тлиподемъ Артапатовъ Ликійскій	114

СОСЛОВНЫЙ ТИПЪ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНАГО СОСТАВА ЛИТОВСКАГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ПРИЧИНЫ ¹⁾.

Szlachcic na zagrodzie gówny wojewodzie.

„Не только воеводѣ, а самому королю равенъ былъ по принципу власти на своемъ клочкѣ земли каждый шляхетка, а каждый знатный панъ былъ куда сильнѣе короля“.

Проф. И. П. Филевича „Польша“, 29.

Архивный матеріалъ литовской метрики (государственного архива великаго княжества Литовскаго) составляетъ чуть ли не единственный источникъ для знакомства съ политико-правовымъ бытомъ Литовскаго государства до изданія литовскаго статута, то-есть, важнѣйшаго періода въ исторіи этого государства, — „того далекаго еще отъ непосредственнаго воздѣйствія Польши времени, когда завершилось образование цѣлаго ряда институтовъ, сложившихся на старинной русской почвѣ, опиравшихся своими основаніями въ принципы времени Русской Правды“ ²⁾. Въ существующихъ сборникахъ памятниковъ русско-литовскаго права находимъ, между тѣмъ, сравнительно немного актовъ, извлеченныхъ изъ метрики. Масса заключающагося въ ней, первостепенной важности, матеріала оставалась и остается

¹⁾ Настоящая статья представляетъ продолженіе „Очерковъ исторіи литовско-русскаго права“.

²⁾ Отчетъ о 2-мъ присужденіи прѣміи Г. О. Карпова, рецензія проф. С. А. Бершадскаго сочиненія г. Любавскаго: Областное дѣленіе и пр., стр. 5.

доселѣ мало доступной для научныхъ изслѣдованій. Акты метрики, обнародованные въ извѣстныхъ изданіяхъ Дзялынскаго („Zbiór praw Lit.“,—всего до 15-ти актовъ), Даниловича („Skarbiec dyplomatów“), Муханова („Сборникъ“), археографической комиссіи („Акты западной Россіи“ и „Акты южной и западной Россіи“), почти исключительно касаются государственнаго устройства старой Литвы и содержатъ крайне мало данныхъ по всѣмъ существеннымъ вопросамъ права административнаго, гражданскаго, уголовнаго, и пр. Этимъ обстоятельствомъ, какъ и вообще малой доступностью метрики для непосредственнаго ознакомленія съ содержащимися въ ней актами, объясняется, почему до настоящаго времени по исторіи русско-литовскаго права остается масса вопросовъ, совершенно не тронутыхъ научной разработкой.

Лишь въ послѣднее время положеніе дѣла стало значительно измѣняться къ лучшему, благодаря усиліямъ немногихъ любителей русской старины, имѣвшихъ возможность пользоваться сырымъ матеріаломъ метрики и обнародовать его въ печати.

Таковъ капитальный трудъ, профессора С. А. Бернадскаго, посвятившаго нѣсколько лѣтъ кропотливому изученію актовъ литовской метрики (пока она не была переведена изъ С.-Петербурга въ Москву) и приготовившаго къ изданію—къ сожалѣнію, не поступившее въ продажу—большое собраніе документовъ, извлеченныхъ изъ этого архива (съ послѣдней четверти XIV вѣка до изданія перваго Литовскаго статута)¹⁾. Вся эта масса актовъ содержитъ много совершенно новыхъ данныхъ по исторіи русско-литовскаго права. На первомъ планѣ нужно поставить земскіе привилеи; изъ нихъ привилей 1387, 1413 и 1492 гг. изданы по новымъ спискамъ, а привилей Сигизмунда Кейстутовича 1434 г. издается впервые²⁾. Въ сборникѣ помѣщенъ также рядъ грамотъ на магдебургское право³⁾,—

¹⁾ Нѣсколько актовъ извлечено также изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, Имп. археографической комиссіи и частныхъ лицъ (№ 55).

²⁾ См. № 34. Кстати укажу на обнародованный недавно проф. И. П. Филевичемъ земскій привилей Владислава-Ягеллы „sovequationis Russorum cum Lithvanis“, 1432 г. Этотъ привилей извлеченъ изъ „текъ“ Парушевича, хранящихся въ Краковскомъ музеѣ ки. Чарторыжскихъ. Привилей помѣщенъ въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за 1893 г., III, стр. 2—4. Замѣтка о немъ—въ „Отчетѣ объ ученой командировкѣ въ 1892 г. проф. Филевича (Варшавскія Университетскія Извѣстія 1893, II, 6—9).

³⁾ См. Берш. сборн. № 8, 10, 18 и др.

между прочимъ, грамота 1424 г. на Шродское право въ г. Соколѣ (Подляхін) ¹⁾,—если не ошибаемся, единственное до сихъ поръ свѣдѣтельство объ этой разновидности Магдебургскаго права въ Литовскомъ государствѣ. Къ исторіи гражданскаго, уголовного права и процесса относится масса судебныхъ вырочковъ, привилеевъ и разныхъ частныхъ записей. Не менѣе интересны также акты, касающіеся дипломатическихъ сношеній Литвы ²⁾; между прочимъ, актъ 1499 г. касается уніи съ Польшей ³⁾. Драгоценный матеріалъ по исторіи государственнаго хозяйства Литвы представляютъ, наконецъ, извлечения изъ записныхъ книгъ пожалованій ⁴⁾, книгъ расходныхъ ⁵⁾, описей господарскаго скарба ⁶⁾, „пописей“ землевладѣльцевъ по отбыванію военной службы ⁷⁾, инвентарей господарскихъ имѣній ⁸⁾ и пр.

Не мало сыраго матеріала, извлеченнаго изъ метрики за тотъ же періодъ времени, находится также въ большомъ изслѣдованіи М. К. Любавскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія 1-го Литовскаго статута“ ⁹⁾. Извлечения изъ актовъ относятся къ мѣстному управленію, также сословіямъ, финансамъ, частію гражданскому праву (землевладѣнію и наследованію имущества) и судоустройству.

Много цѣннаго матеріала извлечено изъ мѣстныхъ архивовъ и помѣщено въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ въ „Актахъ“, издаваемыхъ Виленскою археографическою комиссіею, и въ „Архивѣ юго-западной Россіи“ издано Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Особенно важно изданіе такихъ драгоценныхъ памятниковъ, какъ инвентари, съ содержащимися въ нихъ данными касательно территориально-административнаго строя, поземельныхъ и тяговыхъ отношеній и вообще хозяйственнаго быта различныхъ литовско-русскихъ областей.

Къ цѣннымъ трудамъ послѣдняго времени относится изданіе

¹⁾ Ibid., № 21.

²⁾ №№ 9, 179, 203 и др.

³⁾ № 187.

⁴⁾ №№ 41, 363.

⁵⁾ 98, 221.

⁶⁾ 262.

⁷⁾ 85, 208, 529.

⁸⁾ 194, 196—200, 209.

⁹⁾ Читенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей за 1893 г. и отдѣльное изданіе.

старыхъ документовъ, хранившихся въ Славутскомъ фамильномъ архивѣ князей Сангушковъ („Archiwum ksiąząt Lubartowiczów — Sanguszków w Sławucie“), также актовъ Львовскаго Бернардинскаго архива („Akta grodzki i ziemskie“). Акты Бернардинскіе, относящіеся къ исторіи Галицкой Руси со времени присоединенія ея къ Польшѣ, содержатъ нерѣдко весьма важныя указанія на институты древне-русскаго права,—напримѣръ, на старый дворичный строй русской волости, поземельные порядки и нѣкоторые институты уголовного права и судопроизводства.

Въ послѣднее время, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, для меня открылась возможность заняться непосредственнымъ изученіемъ актовъ литовской метрики, по варшавской копіи (послѣдней четверти прошлаго вѣка), хранящейся нынѣ въ главномъ архивѣ царства польскаго. Изъ разныхъ книгъ (всего 66 кн. до 1552 г.) метрики извлеченъ мною довольно значительный запасъ актовъ (1413—1507 гг.), въ особенности судебныхъ вырочковъ, жалованныхъ грамотъ и пр. ¹⁾

На основаніи архивнаго матеріала, извлеченнаго проф. С. А. Бершадскимъ и частью мною изъ литовской метрики, а также изданныхъ въ существующихъ сборникахъ памятниковъ русско-литовскаго права, въ настоящей статьѣ излагаются замѣтки по вопросу о причинахъ, подѣ влияніемъ и въ зависимости отъ которыхъ образовался своеобразный, территориально-административный составъ Литовско-русскаго государства, принявшій рѣзкій, сословный типъ подѣ длившимся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ воздѣйствіемъ началъ поль-

¹⁾ Собранный мною матеріалъ приготовленъ къ печати и вскорѣ будетъ изданъ. Количество актовъ, извлеченныхъ изъ метрики, достигаетъ болѣе 750 номеровъ. Къ главнѣйшимъ актамъ относятся: три земскіе привилеи (1413, 1434 и 1457 гг.) по краткимъ спискамъ съ нѣкоторыми вариантами; два списка привилеевъ областныхъ—Волынскаго (1501 г.) и Жмудскаго (1507 г.),—послѣдній печатается впервые, до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ; нѣсколько грамотъ удѣльныхъ князей — Свидригайла, Кобринскихъ и Мстиславскихъ; пять привилеевъ городамъ на магдебургское право—Дрогичину (1498 г.), Литовижу (1501 г.), Мельнику (1501 г.), Высокому (1503 г.) и Лесичи (1505 г.); нѣсколько привилеевъ на войтовства—Дрогичное (1428 г.) и Мельничное и пр.; привилей братству Виленскихъ золотниковъ (1495 г.) и пр. Болѣе важный матеріалъ, содержащійся въ метрицѣ до начала правленія короля Сигизмунда I (1507 г.), исчерпанъ мною вполне. Я старался въ особенности извлечь изъ метрики судебныя вырочки: акты этого рода извѣстны въ печати въ маломъ количествѣ, а между прочимъ они весьма важны въ особенности по исторіи гражданскаго, уголовного права и судопроизводства.

скаго права. Ближайшее разсмотрѣніе главнѣйшихъ формъ территориальныхъ союзовъ и административныхъ районовъ, изъ какихъ сложилось Литовское государство, составить предметъ особой статьи.

Слѣды непосредственнаго воздѣйствія Польши на Литовское государство доселѣ не совсѣмъ исчезли въ быту входившихъ въ его составъ западно-русскихъ областей. Сильная сословная окраска всей политической и правовой жизни этихъ областей—результатъ воздѣйствія на нихъ старой, польско-нѣмецкой культуры, по сей день сказывается, между прочимъ, въ типическихъ особенностяхъ внѣшняго и внутренняго строя западно-русскихъ городовъ и селъ, рѣзко отличающихся отъ городовъ и селъ Восточной Россіи. Житель послѣдней привыкъ къ изстаринному, безсословному, земскому единству своихъ городовъ и селъ, гдѣ „дворъ обо дворъ“ изъ вѣковъ живутъ и барская или купеческая семья, и ремесленная артель, и родъ—племя пахаря,—гдѣ громадное большинство городовъ—тѣ же деревни и сѣрѣшительнымъ преобладаніемъ въ нихъ рольничьихъ промысловъ съ тѣмъ же разнообразнымъ составомъ населенія, что и въ деревняхъ. Жителя Восточной Россіи, очутившагося въ сельской глуши правобережной Украины-Волини, Подолья, затѣмъ Подляхін, Полѣсья или Литвы, поражаетъ сразу, при первомъ знакомствѣ съ мѣстнымъ деревенскимъ и городскимъ бытомъ, рѣзкая, территориальная обособленность населенія по сословіямъ. „Мѣсто“ и „мѣстечко“ знаютъ здѣсь лишь одного ремесленника да торговца, далеко не забывшихъ вошедшихъ было въ ихъ плоть и кровь обычаевъ старыхъ замкнутыхъ магдебургій. Мало мальски зажиточный панъ-землевладѣлецъ доселѣ живетъ среди своей „державы — маетности“, въ совершенно обособленномъ отъ мѣста и деревни старомъ замкѣ-панскомъ дворѣ съ фольваркомъ, какъ и рядовая мелкота-шляхта обособляется въ своей отдѣльной отъ хлопства шляхетской околицѣ и дворѣ (польской *zagrodzie*). И сельскій хлопъ, бывшее „быдло“ сосѣдняго панашляхтича, по прежнему живетъ въ такомъ же обособленномъ поселкѣ—старомъ дымѣ, дворищѣ, службѣ, жеребьи и пр. Новыя культурныя условія теперешней западно-русской деревни, мѣстечка и города. выѣстъ съ отмѣной Магдебургскаго права въ городахъ и „вѣчнаго права“ землевладѣльцевъ на подвластное имъ хлопство, во многомъ стали сглаживать старую, сословную обособленность городскихъ и сельскихъ поселеній. Тѣмъ не менѣе, мѣстами она до сего дня удерживается въ былыхъ формахъ, особенно въ глухихъ, сельскихъ захолустьяхъ, куда еще мало проникла современная культура и гдѣ

держится въ полной почти неприкосновенности и свѣжести старая „пошлина“, обособлявшая въ видѣ отдѣльныхъ „народовъ“ вельможное шляхетство панскихъ дворовъ и заградъ отъ подвластнаго ему хлопства крестьянскихъ дымовъ и дворищъ-службъ.

Было, однако, время, когда вездѣ на Руси, въ обѣихъ ея половинахъ—восточной и западной, жизнь городская и сельская текла однимъ, общеземскимъ русломъ, безъ всякихъ сословныхъ и иныхъ разграниченій между мѣщанскимъ городомъ, крестьянской деревней и панскимъ дворомъ. Начало земскаго единства въ старину глубоко проникало собой всѣ стороны быта земель—волостей западной и восточной Россіи. Здѣсь и тамъ въ одинаковой мѣрѣ жили по городамъ и селамъ и бояре, и люди купеческіе, и ремесленники, и смерды-рольняки; здѣсь и тамъ все свободное населеніе земли-волости могло составлять изъ себя земскія вѣча и избирать своихъ князей и другихъ нарядниковъ, съ обязательнымъ для всѣхъ и cadaго подчиненіемъ ихъ суду и наряду. Все населеніе земли-волости, безъ различія между бояриномъ, купцомъ, ремесленникомъ и рольникомъ, подлежало одинаковымъ общественнымъ повинностямъ, на обще-земскомъ основаніи вѣчевыхъ „разрубовъ“ и „розметовъ“. Все различіе города отъ села выражалось въ роли города въ дѣлѣ земской обороны и наряда: городъ являлся пунктомъ земской охраны, убѣжищемъ для волостнаго населенія въ осадную пору и средоточіемъ всей земской администраціи. Въ своей землѣ-волости городъ занималъ „командующее“ положеніе, по суду, наряду и повинностямъ къ городу тянуло все населеніе приписанныхъ къ нему волостныхъ округовъ.

Тѣ же самыя начала земскаго единства остаются въ силѣ въ западно-русскихъ областяхъ и послѣ присоединенія ихъ къ литовскому государству. Разложеніе этихъ началъ совпадаетъ съ эпохой развитія уніи Литвы съ Польшей. Оно начинается съ первыхъ же опытовъ уніи при Владиславѣ Ягеллѣ и въ конечныхъ результатахъ приводитъ къ установленію территоріально-административнаго состава областей бывшаго литовскаго государства на совершенно иныхъ основаніяхъ, вовсе неизвѣстныхъ ни древне-русскимъ землямъ, ни сложившемуся въ восточной ихъ половинѣ, московскому государству.

Однимъ изъ первыхъ актовъ разложенія земскаго единства литовско-русскихъ областей была *рецепція нѣмецкаго права* ¹⁾ въ горо-

¹⁾ Въ литовско-русскихъ городахъ дѣйствовало по преимуществу магдебургское право, а изрѣдка и его разновидности—право хельмское (*jus Culmense*—го-

дахъ, съ кореннымъ преобразованіемъ всего ихъ внутренняго строя, какъ и отношеній ихъ къ государству. Какъ видно по всему, ре-

рода Хелмно польской Пруссіи) и шродское (jus Sredense v Novi Fori—города Шрода, Neumarkt, въ польской Силезіи). По извѣстнымъ намъ актамъ, право хелмское (хелминское) было введено въ нѣкоторыхъ городахъ Подляхія (Клецаке, Крабове, Нарва), Литвы (Мѣдники, Ворніовъ) и Волыни (Дорогобужъ, Красилувъ), см. А. З. Р., II, № 123; Skarb, № 2307; Арх. юго-зап. Р., III, № 149, 178; *Бернадскій*, стр. 1012; *Balinski*, Staroż Polska IV, 421; *Taroszewicz*, Obraz Lit., II, 87. Право шродское было пожаловано въ 1424 году городу Соколу въ Дорогич. повѣтъ (*Бернадскій*, 50).—Молчановскій въ своемъ „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“ (стр. 207—213) полагаетъ, что первый опытъ реценціи нѣмецкаго городского права въ литовскомъ государствѣ принадлежитъ подольскимъ князьямъ Юрію и Александру Коріатовичамъ, предоставившимъ въ 1374 году Каменцу привилегіи польскихъ магдебургій (грамота, данная по этому поводу Каменцу, помѣщена въ сочин. Przewdzieski, Podole, I, 140;—Молчановскаго, 208 и по новому списку, въ сборникѣ Бернадскаго, № 1). Намъ кажется это положеніе не совсемъ вѣрнымъ: въ 1374 году Каменцу было дано, дѣйствительно, право самоуправленія по образцу польскихъ магдебургій; но въ грамотѣ нѣтъ никакого намека на реценцію самаго магдебургскаго права. Последнее было введено въ Каменецъ лишь въ 1432 году (см. Inventar. archiwii Słacow, 274). Въ концѣ XIV вѣка (съ 1387 г.) магдебургское право вводится въ Вильнѣ, Меречѣ, Трокахъ и Ковно, гдѣ въ это время уже образовались торгово-промышленныя, польскія и частью нѣмецкія, колонія, ради интересовъ послѣднихъ и вводилось нѣмецкое право въ упомянутыхъ городахъ. Самымъ раннимъ и при томъ сплошнымъ гнѣздомъ польскихъ магдебургій нужно считать Подляхію, ставшую подвергаться сильной колонизаціи еще въ пору независимости западной ея части отъ мазовецкихъ князей (1390—1448 г.); уже тогда магдебургіи стали заводиться во всѣхъ главныхъ городахъ Подляхія. Такія же сплошныя гнѣзда польскихъ магдебургій появляются въ теченіе XV и первой половины XVI вѣка въ другихъ окраинахъ русскихъ, прилегавшихъ къ Польшѣ, Подоліи и Волыни (въ особенности западной). Во внутреннихъ областяхъ Литовскаго государства магдебургіи до позднѣйшаго времени или вовсе не заводятся, или же развиваются весьма туго, спорадически, далеко не такими сплошными гнѣздами, какъ это было въ сосѣднихъ съ Польшей областяхъ—Подляхія, Волыни и Подолія. До люблинской уніи главный районъ реценціи магдебургскаго права какъ разъ совпадаетъ съ первоначальнымъ райономъ развитія колонизаціи въ Литвѣ—это именно юго-западная окраина Литовскаго государства, непосредственно прилегавшая къ польскимъ областямъ. Затѣмъ, чѣмъ далѣе отъ этой окраины подвигается къ сѣвернымъ и восточнымъ рубежамъ Литовскаго государства, тѣмъ рѣже и рѣже встрѣчаются на Руси и Литвѣ польскія магдебургіи. Въ старой Сѣверщинѣ ихъ вовсе не было; магдебургіи появляются здѣсь въ началѣ XVII вѣка, послѣ вторичнаго присоединенія лѣвобережной Украйны къ Речи Посполитой. Лишь послѣ люблинской уніи нѣмецкое право начинаетъ болѣе усилено вводиться за рубежомъ первоначальной, сплошной его реценціи, напримѣръ, въ Кіевщинѣ, вошедшей въ составъ польскихъ провинцій и проч.

рецепція нѣмецкаго права стоитъ въ связи съ процессомъ полонизаціи русско-литовскихъ областей, совпадаетъ по времени съ первыми опытами уніи Литвы съ Польшей, закончившейся, какъ извѣстно, образованіемъ изъ обонхъ государствъ единой Речи Посполитой на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Вообще нельзя считать вполне вѣрной мыслью о томъ, что магдебургское право давалось городамъ въ Литвѣ лишь ради цѣлей внутренней политики государства, въ видахъ усиленія средствъ государственной обороны и казенныхъ доходовъ, также ради промышленнаго подъема городовъ ¹⁾. Еслибы въ дѣлѣ рецепціи нѣмецкаго права преслѣдовались одни интересы фискальные, экономическіе или стратегическіе, то, при одинаковомъ значеніи такихъ интересовъ на всей территоріи государства, рецепція нѣмецкаго права получала бы приблизительно равномерное распредѣленіе между всеми областями, чего на дѣлѣ, однако, вовсе не было. Указанные интересы вовсе не требовали такой радикальной ломки во всемъ строѣ городовъ, какая имѣла мѣсто при введеніи въ нихъ нѣмецкаго права, съ его совершенно чуждой русскому правосознанію системой правовыхъ институтовъ. Рецепція такой системы была бы вполне понятна, еслибы въ Литвѣ, въ XV и XVI вѣкахъ, какъ раньше въ Польшѣ, рѣчь шла о нѣмецкой колонизаціи въ городахъ; нѣмецко-колонисты, естественно, могъ выговаривать для себя льготу жить по своему національному, а не чуждому для него, праву туземцевъ. Ничего подобнаго сплошной нѣмецкой колонизаціи не было въ Литвѣ XV и слѣдующихъ вѣковъ, когда стали усиленно раздаваться привилегіи магдебургій русскимъ и литовскимъ городскимъ общинамъ. Интересы экономическіе и стратегическіе легко могли находить для себя достаточныя гарантіи на почвѣ разнообразныхъ тягловыхъ, промысловыхъ и иныхъ льготъ, безъ всякой настоятельной нужды въ рецепціи нѣмецкаго права съ полпой отмѣной въ городахъ права туземнаго. Все это дѣлалось, очевидно, въ интересахъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ промышленнымъ подъемомъ городовъ, ни съ финансовыми и стратегическими видами государства.

Намъ кажется весьма близкимъ къ истинѣ намекъ, высказанный первымъ русскимъ изслѣдователемъ нѣмецкаго права въ Польшѣ и Литвѣ, проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ: по его словамъ, „въ литовско-русскомъ государствѣ и Галиціи *католицизмъ* и *полонизація* распространились прежде всего чрезъ магдебургское право

¹⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 157, 163.

и преимущественно чрезъ дѣйствія городскихъ магистратовъ и цеховое управленіе¹⁾. И дѣйствительно, на нашъ взглядъ, дѣло сразу является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, разъ мы обратимъ вниманіе на систему территориальнаго распредѣленія магдебургій въ русско-литовскихъ областяхъ и на политическія тенденціи того времени, когда въ особенности усиленно развивалась въ Литвѣ рецепція магдебургскаго права, именно въ такихъ районахъ, гдѣ въ XV и XVI вѣкахъ шла дѣятельная колонизація края. Обстоятельство это, само собой, наводитъ на мысль о тѣсной связи учрежденія магдебургій въ Литвѣ и литовской Руси съ политическими тенденціями, породившими колонизацію этого края и, слѣдовательно, шедшими въ прямой разрѣзъ съ задачами и нуждами мѣстной жизни. Изъ совокупности политическихъ условій, при какихъ совершалась въ Литвѣ рецепція нѣмецкаго права, не трудно усмотрѣть, что рецепція эта была вполнѣ на руку сторонникамъ польско-литовской уніи, съ такой же объединительной, антирусской тенденціей, съ какой то же самое право, со временъ Казимира Великаго, вводилось повсемѣстно въ Галичинѣ, съ цѣлью „возможно ослабить и уничтожить силу кореннаго населенія“²⁾.

Нѣмецкое право, рецепированное въ польскихъ городахъ въ XII и особенно XIII и XIV вѣкахъ, въ пору развитія польско-литовской уніи на столько уже привилось и окрѣпло въ быту польскихъ магдебургій, что въ общественномъ сознаніи оно являлось лишь особой разновидностью того же польскаго права³⁾. Отъ рецепціи послѣдняго въ русскихъ областяхъ (Галичинѣ, Подляхія), по своимъ тенденціямъ, ничѣмъ не отличалась рецепція магдебургскаго права: учрежденіе литовско-русскихъ магдебургій по польскимъ образцамъ

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, т. 139, стр. 798.

²⁾ Проф. П. П. Филевича „Борьба Польши и Литвы-Руси“, 219.

³⁾ Вторая половина XIV вѣка считается временемъ рѣшительной побѣды нѣмецкаго права въ Польшѣ: по вслицкому статуту 1847, оно возводится въ общій государственный законъ (Vol. Ud. I, стр. 28, статья: „de illis qui habeñtes jus theutonicum utuntur polonico“; ср. Asp. I, № 2, п. 68, Владимірскаго-Буданова, нѣмецкое право, 25, 298). По свидѣтельству польскихъ историковъ, нѣмецкое право въ Польшѣ къ XV вѣку совершенно утрачиваетъ свой иноземный характеръ, становится въ существѣ дѣла такимъ же польскимъ правомъ (городовымъ), какъ и право „земское“ польской шляхты. Въ XVI вѣкѣ настойчиво проводилась въ правящихъ сферахъ мысль о замѣнѣ самаго наименованія „jus Theutonicum“ правомъ польскимъ городовымъ—„jus municipale Polonicum“, „jus civile“ и пр. (см. Dr. L. Dargun, o źródlach prawa miast polskich,—Rozprawu Krak. Akad. Umiejctn. 1888, т. XXII, стр. 4—5).

разсматривалось, какъ одно изъ вполне пригодныхъ орудій, съ полнымъ успѣхомъ содѣйствовавшихъ колонизаціи русско-литовскихъ земель. Съ введеніемъ въ нихъ нѣмецкаго права шли въ оборотъ польскія компиляціи и сборники магдебургскаго права (Щербича, Гроницкаго, Яскера и др.), сразу узаконялась практика латино-польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ магдебургій, открывалось вообще широкое поприще для дѣятельности въ литовско-русскихъ краяхъ новыхъ польскихъ администраторовъ.

Магдебургія построились въ Литвѣ-Руси по общему шаблону польскихъ образцовъ, то-есть, съ выдѣленіемъ городовъ изъ общаго земскаго строя, съ представленіемъ городскимъ общинамъ независимой законодательной и судебно-административной власти и вообще *jus ducale* по повинностямъ, суду и управленію ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ всякаго реального участія „мѣста“ въ жизни своей области и цѣлаго государства. Такие *status in statu* монополизировали главные административные центры Литвы и литовской Руси, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ по преимуществу сосредоточивалась торгово-промышленная дѣятельность страны. Быть „мѣщанъ“ замковыхъ и жившихъ въ владѣльческихъ мѣстечкахъ, въ существѣ дѣла, также немногимъ отличался отъ быта мѣщанъ привилегированныхъ магдебургій: послѣднія старались заводить свои филиальныя колоніи вездѣ, гдѣ было „мѣщанство“, не только въ магдебургіяхъ, но и въ владѣльческихъ мѣстечкахъ и замковыхъ городахъ; всегда и вездѣ передовыми дѣятелями въ составѣ мѣщанъ являлись именно представители польской культуры. Затѣмъ и русское мѣщанство, удерживавшее за собой мѣстами самостоятельное положеніе, устраивало весь свой внутрѣнный обиходъ не иначе, какъ по тѣмъ же образцамъ и приемамъ мѣщанства привилегированныхъ городовъ, усвоивало и свыкалось съ сословными воззрѣніями, идеалами и порядками старшихъ магдебургій. Подобно послѣднимъ, въ русскомъ мѣщанствѣ „консервативный духъ, свойственный торговому классу, соединяется съ сословнымъ мѣщанскимъ духомъ, который не уступалъ шляхетству въ презрѣніи къ хлопству“ ²⁾.

¹⁾ Въ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ тоже самое *jus ducale* представлялось владѣльцамъ магдебургій.

²⁾ По справедливому замѣчанію наследователей, такимъ „шляхетскимъ“ отношеніемъ мѣщанства къ сельскому населенію, какъ и тѣсными узами его съ польскимъ правительствомъ, поддерживавшимъ въ своихъ фискальныхъ видахъ

Замѣтимъ, наконецъ, что весь строй магдебургій, обоснованный на полномъ отчужденіи ихъ отъ остальнаго земства и шедшій въ прямой разрѣзъ съ интересами русской народной жизни, могъ приводить и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно привелъ къ одному результату—разложенію и экономическому упадку городскихъ общинъ, подавленію въ нихъ всякой общественной самостоятельности, развитію экономической эксплуатаціи городовъ польскими (позже и еврейскими) колоніями, заправлявшими всѣми городскими дѣлами, съ полнымъ иногда попраіемъ всего національно-русскаго и православнаго ¹⁾).

Подъ именемъ нѣмецкаго права, рецепировавшагося въ Польшѣ, а затѣмъ въ Литвѣ-Руси, разумѣлось не одно право городское (Stadtrecht), но и *сельское* (Hofrecht), дѣйствовавшее въ сельскихъ общинахъ, которыя переносились, какъ говорилось въ актахъ, съ польскаго или русскаго на нѣмецкое право. Въ Польшѣ нѣмецкое право вводилось въ селахъ одновременно съ городами (съ XII вѣка) сначала для нѣмецкихъ колонистовъ, а затѣмъ стало распространяться и на туземное, сельское населеніе. Къ XV вѣку нѣмецкое право въ Польшѣ уже совершенно вытѣснило въ селахъ, какъ и въ городахъ, старое ихъ славянское устройство. Льготы, прибрѣтавшіяся землевладѣльцами путемъ введенія въ ихъ „маетностяхъ“ сельскаго нѣмецкаго права, слагались, во первыхъ, изъ jus ducale, то-есть, суммы княжескихъ правъ на подати, повинности, регалия и права судебной и административной власти, и вторыхъ, распредѣленія земельныхъ угодій маетности на равномѣрные участки по нѣмецкой волочной системѣ, съ выдѣленіемъ „дворной“ пашни подъ фольварочную запашку самого землевладѣльца и съ надѣломъ крестьянъ въ „вѣчное“ владѣніе остальныхъ земельныхъ участковъ, не вошедшихъ въ составъ господской запашки. Съ такимъ правомъ владѣнія землей соединялась неразрывно и обязанность крестьянина „вѣчно“ сидѣть на ней и отправлять наслѣдственное тягло въ пользу землевладѣльца, съ

мѣщанскія привилегіи, объясняются враждебныя отношенія къ мѣщанамъ казачины, видѣвшей въ нихъ классъ, близкій къ ненавистному шляхетству и потому, въ пору казацкихъ возстаній, подвергшійся одинаковой съ нимъ участи (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868, ч. 139, стр. 804).

¹⁾ Всѣ эти результаты четырехвѣковой практики магдебургскаго права въ литовско-русскихъ городахъ правдиво намѣчены въ талантливомъ изслѣдованіи о нѣмецкомъ правѣ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

предоставленіемъ крестьянину права выхода лишь подъ условіемъ посаженія вмѣсто себя такого же тяглеца ¹⁾).

Понятно, на сколько вся эта система измѣняла бытъ сельскаго жителя, его личныя, имущественныя права, какъ и отношенія его къ государству. Jus ducale и волочная система въ конечномъ результатѣ должны были привести и дѣйствительно привели къ выдѣленію сельскаго населенія изъ общаго земскаго строя въ обособленныя и независимыя отъ государственной власти „державы“ землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ экспроприаціей свободнаго крестьянскаго землевладѣнія и съ установленіемъ надъ зависимымъ сельскимъ населеніемъ владѣльческаго „вѣчнаго права“ ²⁾, въ строгихъ формахъ glebae adscriptio, вскорѣ превратившагося въ Польшѣ, а затѣмъ и въ Литвѣ-Руси, въ личное крѣпостничество всего зависимаго хлопства.

На изложенныхъ основаніяхъ рецепировались отдѣльные институты сельскаго нѣмецкаго права и въ литовскихъ областяхъ, въ особенности въ Подляхія, прилегавшей къ Польшѣ, съ подчиненіемъ этому праву польскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ, а иногда и русскаго населенія ³⁾. Въ другихъ областяхъ русскихъ и литовскихъ,

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868 г. часть 139, стр. 535, 540—542.

²⁾ О „вѣчномъ правѣ“ землевладѣльцевъ на людей отчизныхъ и другихъ зависимыхъ людей говоритъ литовскій статутъ 1588 года, Разд. XII, арт. 14: „Долгодъ на збегъ люди отчизныне и мыше вечному праву подлеглие такіи маеть быти“...; арт. 16: „Кгды бы хто збega своего чловека вечнымъ правомъ себе належачою давностю непромогчаноу потрафилъ где на дорозе“.

³⁾ Въ 1424 году Витовтъ даетъ грамоту радному пану Николаю Депенскому на городъ Соколъ съ приписанными къ нему селами Купятинъ и Роговъ въ Дорогичскомъ повѣтѣ, съ предоставленіемъ владѣльцу суда и наряда въ нихъ по шредскому праву и съ освобожденіемъ мѣщанъ и сельчанъ отъ всѣхъ господарскихъ податей и повинностей; нѣмецкимъ правомъ судятся одни колонисты, поляки и нѣмцы, судъ отправляется сельскими солтысами (въ городѣ войтомъ) и во второй инстанціи землевладѣльцемъ, подсуднымъ въ свою очередь одному великому князю (Бершадскій, 50). Затѣмъ, изъ одной грамоты 1469 года видно, что владѣльческое село Бадикивичи въ той же Подляхія состояло на такомъ же положеніи по магдебургскому праву, послѣднему подчинялось, повидимому, все туземное населеніе (*ibid.*, 287). Кромѣ шредскаго и магдебургскаго права, въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ селахъ дѣйствовало, такъ называемое волоское право. Въ 1424 году великій князь Свидригайло далъ Драгосиновичу село Косово въ волости Снятинской: „А тое село перверченное имѣють намъ давати, подлугъ *права Волоскаго* ты-то доходы“ (А. Ю. З. Р., I. № 15). Проф. М. Ф. Будановъ-Владимірскій видитъ въ этомъ правѣ—право нѣмецкое: „какъ названіе „нѣмцы“ общее для всѣхъ германскихъ племенъ, прилагалось нерѣдко ко всѣмъ западнымъ

по всему видно, нѣмецкое право, въ полномъ составѣ всѣхъ его институтовъ, практиковалось чуть-ли не исключительно въ „мѣщанскихъ“ селахъ, приписанныхъ къ городскимъ магдебургіямъ (господарскимъ и владѣльческимъ), а также въ селахъ, бывшихъ (до люблинской уніи) во владѣніи отдѣльныхъ землевладѣльцевъ-мѣщанъ, подсудныхъ магдебургскому праву ¹⁾.

народамъ, такъ и названіе „Влахи“, общее для всѣхъ германскихъ племенъ, прилагалось ко всему западу“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868 г., т. 139, стр. 485). Намъ кажется, что здѣсь рѣчь идетъ о реценціи особаго права, по какому жили въ Галиціи (въ Сандокомъ округѣ, въ горныхъ мѣстахъ, пограничныхъ съ Венгріей), такъ называемыя „волоскія осады“. Какъ полагаютъ, осады эти образовались въ западной Галиціи впервые въ половинѣ XIV вѣка изъ угорскихъ выходцевъ, получавшихъ право судиться своими старшинами (князьими) по ихъ національному праву—*ius valachicum*. Позже мѣстными землевладѣльцами нерѣдко предоставлялось заводить у себя сельскія поселенія на томъ же правѣ волоскомъ (см. *Akta Grodz.*, VII, № 11, грамота 1377 года. О волоскихъ осадахъ см. А. hr. Stadnicki, „Owsiacli tak zwanych Wolockich na północnym stoku Karpat“—1848. X. P. Lubomirski, *Północno-wschodnie Wolockie osady*,—*Warsz. Bibl.* 1855). Вопросъ о національности и вообще происхожденіи волоховъ Галичинъ доселѣ не выясненъ въ наукѣ. Нельзя-ли считать угорско-галацкихъ волоховъ роднею „влаховъ“ и „владишей“ (*vlachii vel villani*), упоминающихся въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ? Въ земляхъ придунайскихъ славянъ (въ Старой Сербіи, Польшѣ и пр.) влахи, подобно арбанасамъ (албанцамъ), считались „тогуземлянами“, людьми пришлыми, жившими между поселянами въ качествѣ „пастуховъ“, „пастырей, ки пазоу кобиле“ и пр. (см. *Miklosich*, *Monum.* 60, 206, 358, 434 и пр.; Пуцлѣ, *Сломен.*, I, 91, 149; II, 159—*Kukuljevič*, *Jura*, I, 126. Ср. мое сочиненіе „Древн. Хорват.-далматск. зак.“, 78—74). И въ составѣ галицкихъ влаховъ еще въ XVI и XVII вѣкахъ, рядомъ съ влахами-рольниками, упоминаются въ актахъ влахи-пастухи, вовсе не владѣвшіе ролями и дворщами, занимавшіеся скотоводствомъ. Изъ поборовыхъ универсаловъ видно, что такіе влахи, вмѣсто „*podatku*“, взимаваемаго съ волоскихъ дворницъ или ролей, облагались особымъ денежнымъ сборомъ—съ опредѣленнаго числа овецъ, коровъ и пр. (*Vol. leg.*, II, p. 608, 664, 982 и пр.).

¹⁾ О мѣщанскомъ землевладѣніи и селахъ мѣщанъ встрѣчаемъ указанія въ источникахъ вплоть до уніи люблинской. Дѣло въ томъ, что съ земскаго привилея 1457 года за мѣщанами въ Литвѣ-Руси признавались такіе же поземельныя права, какъ и за шляхтой (*Zbiog. pr. Lit.*, стр. 81, п. VII), магдебургія и отдѣльные мѣщане владѣли на общемъ земскомъ правѣ не только городскою землей, но и цѣлыми селами, съ землями пашными, борными и пр. (*Бернадскій*, 29, 463; *Arch. Sang.*, I, № 59; III, 152, 163 и пр.). Такъ было до люблинской уніи, когда магдебургія вошла въ общій составъ господарскихъ или панскихъ экономій, къ этимъ же экономіямъ отошли и старыя мѣщанскія села и фольварки съ землями (*Владимірскаго-Буданова*, Нѣмецкое право, 269 *Незабитовско*, Собраніе сочиненій, 345 и сл.).

Дѣло въ томъ, что и безъ формальной рецепці сельскаго нѣмецкаго права достигались литовско-русскими землевладѣльцами всѣ тѣ права и льготы, какія польскими нанами-шляхтой приобрьтались путемъ рецепціи нѣмецкаго права въ ихъ маетностяхъ и загородахъ.

Какъ извѣстно, первые же земскіе привилеи (1387, 1413 г.) предоставляютъ литовскимъ боярамъ, а затѣмъ и русскимъ (съ привилеи 1432 г.), владѣть, пользоваться и распоряжаться своими замками, волостями, селами и вообще маетностями—вотчинами на одинаковыхъ правахъ съ шляхтой польской (*pari jure sicut barones regni Poloniae*)¹⁾, то-есть, хотя бы примѣрно въ объемѣ того *jus ducale*, какое было признано Кошицкимъ привилеемъ 1374 г. за польскими землевладѣльцами въ отношеніи къ податямъ и повинностямъ населенія ихъ маетностей и пр.²⁾ И дѣйствительно, въ тѣхъ же земскихъ привилеяхъ литовско-русскихъ бояръ цѣликомъ воспроизводятся положенія польскихъ шляхетскихъ привилеевъ и привилеевъ на нѣмецкое право о *jus ducale*, предоставлявшемся землевладѣльцамъ въ Польшѣ. Такимъ образомъ, земскій привилей 1434 г. великаго князя Сигизмунда Кейстутовича освобождаетъ населеніе шля-

¹⁾ Привилей Владислава-Ягеллы, 1387 г.: „*Quilibet armiger sive bojarin, fidei assumentis catholicam, et ipsius haeredes ac successores legitimi, castra, districtus, villas atque domos, ac omnia quae ex successione paterna possidet, habendi, tenendi, possidendi, tendendi etc. habeat, et habeant liberam et omnimodam facultatem, ut juribus similibus utantur et fruantur, quibus et caeteri nobiles in terris aliis regni nostri Poloniae potiuntur, ne videantur, in juribus disparere, quos eidem corona subjectos fecit unum*“ (Zbior pr. Lit., стр. 1). Городел. Привилей Влад.—Ягеллы и Витовта 1413 г.: „*Item barones et nobiles praedicti (литовскіе), bona (въ польскомъ текстѣ—maiętnosci) ipsorum paternalia pari jure obtineant sicut barones regni Poloniae*“ (ibid., 12). Привилей Владислава-Ягеллы, 1432 г., объ уравниеніи (*coaequationis*) русскихъ бояръ съ литовскими: „*confirmamus... quod barones et nobiles praedicti bona ipsorum paternalia pari jure obtineant sicut barones Regni Poloniae*“ (Варш. Унив. Изв., 1893, III, 23). Привилей Сигизмунда Кейстутовича, 1434 г.: „*Deinde, quod (praefati) principes (barones et nobiles) et boiari eorumque liberi legitimi omnia bona hae (reditaria et paterna pari jure obtineant sicut alibi in Christiana itate, praesertim in Regno Poloniae*“ (Варш., 72—73). Тѣ же положенія повторяются во всѣхъ послѣдующихъ земскихъ привилеяхъ.

²⁾ Vol. leg. I. стр. 56: „*Civitates, castra, possessiones, oppida et villas, incollas villarum totius Regni Poloniae inhabitantes, ipsorum Baronum et Nobilium omnium, absolvimus... ab omnibus et singulis collectis donationibus sive tributis, tam generalibus, quam specialibus, quocunque nomine conseantur, et ab omnibus servitijs, laboribus vexactionibus, angarijs, praeangarijs, in rebus et personis committendis, pure et simpliciter solutos et absolutos esse volumus, ac exemptos*“ etc.

хетскихъ имѣній отъ всѣхъ господарскихъ податей и повинностей, кромѣ постройки замковъ и ратныхъ „путей“¹⁾). Привилей 1457 г. идетъ еще дальше: помимо санкціи *jus ducale* по податямъ, онъ признаетъ за шляхтой права судебно-административной власти надъ подданными и обязываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ господаря и шляхту не принимать въ свои имѣнія бѣглыхъ людей „непохожихъ, давныхъ и невольныхъ“²⁾). Въ послѣднемъ пунктѣ категорически высказывается признаніе упомянутаго выше института нѣмецкаго *Hofrecht*—„вѣчнаго права“ пановъ на подвластныхъ имъ людей.

Волочная система крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія точно также могла вводиться безъ формальной реценціи нѣмецкаго права. Витовтъ призывалъ и „осаживалъ“ кметей въ Подляхін на волокахъ, уже существовавшихъ въ его время,—не видно, чтобы такая осада кметей непременно сопровождалась реценціей нѣмецкаго права³⁾). Какъ видно затѣмъ изъ устава о волокахъ 1557 г., волочная система являлась въ это время господствующей въ Литвѣ въ господарскихъ экономіяхъ⁴⁾). Въ теченіе XV—XVI в. та же самая система утверждается во всѣхъ крупныхъ маестностяхъ пановъ литовскихъ и русскихъ⁵⁾).

¹⁾ Берш. 73—74. О значеніи путей см. мои „Источн. лит. рус. права“, 28.

²⁾ АЗР. I № 61. Zbiór pr. Lit. 28. То же самое *jus ducale* предоставлялось землевладѣльцамъ путемъ отдѣльныхъ пожалованій. Въ 1500 г. вел. князь Александръ далъ Гендриху Шлягеру, своему слугѣ-мыщарю, имѣніе въ Биршанской волости, съ предоставленіемъ ему самому судить и рядить людей, безъ вмѣшательства воеводъ: „а до него (Шлягера) до самого кому бы которое дѣло было, но мы сами господарь маемъ его затымъ смотрѣти“ (Копія Лит. Метр. кн. XLI, стр. 253).

³⁾ АЗР. I, № 189. Въ грамотѣ Витовта, данной въ 1429 г. Станиславу Дзядку на войтовство въ Дорогичинѣ, говорится о волокахъ, на какіе были уже въ то время раздѣлены городскія земли (Копія Лит. Мет., кн. 62, листъ 26). Магдебургское же право введено было въ Дорогичинѣ лишь въ 1498 г. (Baliński, Staroż. Polska III, 406). Самый привилей на Магдебургское право Дорогичину изъвлеченъ нами изъ Лит. Метрики, кн. XLV, стр. 145.

⁴⁾ АЗР. III, № 19.

⁵⁾ См. инвентари цанскихъ имѣній въ Акт. Вых. Комм. Архивѣ Юго-Западной Россіи и пр. По наблюденію проф. М. Ф. Владимірскаго-Вуданова „сначала только ближайшія къ Польшѣ провинціи—Бельская и Подляхія усвоили себѣ волочное хозяйство. Собственно Литва едва ли могла долго противостоятъ вліянію польско-нѣмецкаго права... Русь настойчивѣе сохранила свой исконный способъ хозяйства и его послѣдствія, и тѣмъ далѣе на востокъ, къ украинѣ, тѣмъ упорнѣе; наконецъ, древняя община до конца отстояла свое существованіе въ казацкихъ степяхъ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868 г., ч. 189, стр. 544).

Въ Литвѣ вводится, такимъ образомъ, устройство крестьянскаго быта по польско-нѣмецкимъ образцамъ и порядкамъ, но, по всему видно, безъ повсемѣстной формальной рецепціи нѣмецкаго права, въ полномъ составѣ всѣхъ его институтовъ; какъ замѣчено выше, нѣмецкое сельское право дѣйствовало въ подляшскихъ селахъ, да въ селахъ, приписанныхъ къ городскимъ магдебургіямъ въ другихъ литовскихъ и русскихъ областяхъ. Сельскій хлопъ Литвы-Руси живетъ, судится и рядится не по нѣмецкому праву, а также и не по „земскому“ или „посполитому“ праву, составлявшему исключительную, сословную привилегію одной шляхты: онъ знаетъ свое особое, сословное право— „*jus villanum*“, „право“ или „звычай купный“, „право простыхъ мужиковъ“ и пр. ¹⁾). Право это сложилось изъ обломковъ институтовъ права старой земской общины, осложненныхъ и видоизмѣненныхъ цѣлымъ рядомъ рецепированныхъ институтовъ польско-нѣмецкаго права.

Въ конечномъ итогѣ польско-нѣмецкое воздѣйствіе на сельскій бытъ Литвы-Руси сводится къ полному обособленію села, къ выдѣленію его изъ общаго земскаго и государственнаго строя. Литовско-русскій сельчанинъ знаетъ лишь свой убогій дымъ-дворище да царившій надъ нимъ замокъ-дворъ пана, старосты или войта (въ имѣніяхъ господарскихъ и селахъ мѣщанскихъ). Въ панскомъ дворѣ сосредоточивается вся доступная для хлопа управа и судъ; сюда же онъ несетъ всѣ свои дани, серебицины, подымщины и всяческіе натуральные поборы,—въ панскомъ же дворѣ, фольваркѣ и на дворной пашнѣ отбываетъ онъ и всѣ свои повинности и службы. Виѣ маетности своего пана нѣтъ для хлопа ни правовой охраны, ни общественныхъ повинностей. Уряды, не только центральные, государственные, но и областные-повѣтовые, земскіе и городскіе, для хлопа не существуютъ; все это принимаетъ строго-шляхетскій характеръ, функционируетъ для одной вельможной шляхты. Словомъ, вся земская жизнь становится жизнью строго-панскою, удѣломъ одного шляхетскаго „народа“; она недоступна для зависимаго хлопа-быдла, отгорожена отъ него непроницаемою стѣной.

Къ одинаковымъ съ рецепціей нѣмецкаго права результатамъ приводила также рецепція *католическо-киновическаго права*, получившаго полную силу въ Литвѣ вмѣстѣ съ введеніемъ въ ней католицизма. Еще при Миндовгѣ, вслѣдъ за первымъ учрежденіемъ литов-

¹⁾ Arch. Sang. I, № 115, Берн. 1157; Skarb. № 2237 и пр.

скаго епископата, признанъ былъ принципъ непосредственной зависимости и подчиненія католическаго духовенства въ Литвѣ панской власти ¹⁾. Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій Владислава-Ягеллы, послѣ принятія католицизма и польской короны, было изданіе въ 1387 г. (одновременно съ изданіемъ первой шляхетской хартіи) привилея на права и вольности католическаго духовенства въ Литовскомъ государствѣ, съ предоставленіемъ ему полнаго *jus ducale* на дани, повинности, судъ и управление въ обширныхъ маестностяхъ и бенефицияхъ, щедро жаловавшихся католическому духовенству ²⁾. Права эти, какъ и вообще всѣ „*libertates, immunitates, privilegii, exemptiones et consuetudines*“ католической церкви, строго гарантируются земскими привилеями, а также специальными привилеями капитуловъ и другихъ церковно-католическихъ учреждений ³⁾.

Католическое духовенство съ первыхъ же поръ перенесло съ собою изъ Польши въ Литву всю сумму иммунитетовъ, путемъ которыхъ польское духовенство цѣлыми вѣками раньше выступило изъ общаго государственнаго союза ⁴⁾,—иммунитетовъ, сразу поставившихъ духовенство въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, въ положеніе независимаго *status in statu*, съ его совершенно обособленнымъ, сословнымъ правомъ,—„*jus ecclesiae*“, „правомъ духовнымъ“, отличающимся отъ „*jus terrestre*“, „права земскаго“ или „свѣт-

¹⁾ Такова была папы Иннокентія IV, 1254 г., о непосредственномъ подчиненіи папѣ перваго литовскаго епископа Христіана съ его частвей. Булла эта, въ 1386 г., была подтверждена папою Урбаномъ VI, съ тѣмъ, чтобы литовскій епископаты отъ одного папы получалъ всѣ „*prawa i rozkazy*“ (Skarb. №№ 140 и 532).

²⁾ По привилею Ягеллы, 1387 г., имѣнія, данныя въ Литвѣ католическому духовенству, освобождаются отъ всякихъ государскихъ службъ и повинностей (*angariis et reangariis*)—подводъ, сторожи, путей, станцій, выправъ (военныхъ), податка, серебщины, постройки замковъ и мостовъ,—затѣмъ отъ подчиненія суду и наряду государскихъ урядниковъ, отъ „*execucji*“ дѣвцкихъ, даванія дѣкла (овса, жита и сѣна),—словомъ, отъ всякихъ повинностей,—„*sed ipse episcopus, in suae ecclesiae ditionibus, et ceteri sacerdotes in suis plenam et omnimodam habeant facultatem, aliis omnibus potestatibus ut praefertur saecularibus exculsis*“ (Skarb. № 540).

³⁾ См. Земскіе привилеи въ *Zbiór pr. Lit.*, стр. 12, 29, 58—59 и д. Грамоты Ягеллы, Витовта и другихъ государей различнымъ католическимъ учрежденіямъ.—Skarb. №№ 554, 658, 702, 915 и пр., Берш. 3, 16, 28 и пр.

⁴⁾ См. Разборъ проф. А. И. Павинскаго сочиненія „Нѣм. Право“ Владимірскаго Вуданова, стр. 20.

скаго¹⁾, съ его вполнѣ самостоятельной законодательной и судебно-административной властью.

Понятно, само собой, что духовенство католическое, съ его широкой системой иммунитетовъ, бенефицій и маетностей, являлось не меньше шляхты могучимъ, разлагающимъ элементомъ въ жизни литовско-русскихъ областей,—должно было въ высокой степени вліять на разрушеніе земскаго ихъ единства и на ихъ колонизацію. Вліяніе это сказывалось на практикѣ тѣмъ ощутительнѣе, что, живя совершенно обособленной жизнью, не подчиняясь никакой мірской власти и не неся лично и съ своихъ бенефицій никакой „тяготы“, въ смыслѣ государственныхъ повинностей, духовенство, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей (прелатовъ, епископовъ и др.), наравнѣ съ свѣтскими магнатами сразу стало принимать дѣятельное участіе во всѣхъ функціяхъ государственной власти, въ концѣ концовъ образовало изъ себя особый государственный „станъ“, во всемъ равноправный съ станомъ шляхетскимъ,—станъ, ноутомимо и съ успѣхомъ ратовавшій на пользу не только своихъ ближайшихъ, конфессіонально-миссіонерскихъ тенденцій, но и тенденцій шляхетско-колонизаціонныхъ²⁾.

Духовенство устраивало свои обширныя бенефиціи и маетности по обычному въ Польшѣ и Литвѣ шаблону, т. е. по нѣмецко-польской системѣ волочнаго землевладѣнія и хозяйства, съ выдѣленіемъ панскихъ дворовъ и фольварковъ отъ хлѣбскихъ службъ, сель и мѣстечекъ³⁾.

Что касается личнаго положенія самого духовенства, то понятно само собою, что лежавшая на немъ миссія дѣятельной пропаганды и

¹⁾ Берш., 35, 707, 887, 922 и пр. Въ Бѣльскомъ привилеѣ 1654 г. объ изданіи Лит. Статута категорически оговаривается изъятіе изъ его компетенціи дѣлъ, подлежащихъ праву магдебургскому и „праву духовныхъ костеловъ Божіихъ водѣ стародавнаго обычая и наданья привилеєвъ господарскихъ“ (Времен. кн. 23,—Лит. Стат. 1566, стр. 9).

²⁾ Какъ извѣстно, земскіе привилеи (въ особенности 1387 и 1413 г.), положившіе прочныя основы колонизаціи русско-литовской шляхты, а съ ней и всего государственно-административнаго строя Литвы-Руси, вызваны были не столько шляхетскими тенденціями самаго боярства, сколько миссіонерскими цѣлями католичества, стремившагося путемъ предоставленія литовскому боярству шляхетскихъ „libertates et jura“ побудить его къ принятію католицизма, въ каковыхъ именно видахъ усвоеніе „вольностей“ и обуславливалось принятіемъ католицизма (См. моя „Источники рус.-лит. права“, 23, 26).

³⁾ См. инвентари въ АВК., XVI, № 10, 30, 31 и др.

распространенія католицизма, а съ нимъ и полонизаціи литовско-русскаго населенія, требовала не обособленія духовенства въ особыя, территоріальныя „*zagrody*“, а напротивъ—возможно близкаго единенія не только съ шляхетскимъ замкомъ-дворомъ, но и съ мѣщанскою магдебургіей и сельскимъ дымомъ-дворищемъ. Католическій „*ojciec*“ являлся желаннымъ сосѣдомъ въ дворѣ всякаго, мало мальски зажиточнаго пана-шляхтича,—сосѣдомъ, зорко и ревниво слѣдившимъ за каждымъ шагомъ пана въ семейной и общественной жизни. Тотъ же ревнитель католическаго правовѣрія, этики и политики нисколько не брезгалъ жизнью „дворъ обо дворъ“ и съ мѣщаниномъ въ привилегированной магдебургіи и владѣльческомъ мѣстечкѣ, и съ сельскимъ хлопомъ.

Тутъ же, въ мѣстечкѣ и селѣ, жилъ и „русскій попъ“ съ „поповичами“; но была глубокая разница въ положеніи попа и католическаго „*ojca*“. Попъ числился заурядъ съ тяглыми и данными людьми, былъ въ своемъ селѣ и мѣстечкѣ такимъ же, въ существѣ дѣла, зависимымъ хлопомъ-тяглецомъ, какъ и всякій владѣльческій „подданный“¹⁾. Неизмѣримо выше стоялъ клирикъ католическій: „князь“ (*ksiądz*) въ своемъ селѣ и мѣстѣ, онъ являлся здѣсь въ авторитетной роли такого же вельможнаго пана, какъ и самъ землевладѣлецъ—помѣщикъ.

Самымъ могучимъ факторомъ разложенія земскаго единства русско-литовскихъ областей нужно считать рецепцію *рыцарскую* или *земскую права*²⁾ (*jus militare, jus terrestre, prawo rycerskie, ziemskie, pospolite*

¹⁾ Русскіе помы и поповичи обозначаются вездѣ въ инвентаряхъ заурядъ съ подданными, отправляютъ вмѣстѣ съ ними повинности и пр. (См. АВР., XIV, стр. 35, 49, 50, 53, 65, 69, 70 и пр.).

²⁾ *Jus militare* или *consuetudo militaris* Вислицкаго статута въ западно-русской редакціи переводится выраженіемъ „право рыцарское“ (см. Vol. leg. I, стр. 2; А. З. Р. I, № 2, стр. 8. Ср. Rzywaczewski, kodex. I, № 86 и пр.). Право „земское“ или „посполитое“, о которомъ говорятъ русско-литовскіе акты съ XV вѣка (о зем. правѣ см. *Бершадскій*, 288, 601, 713, 848, 994, 1025, 1079, 1282, 1282 и пр.; о посполитомъ правѣ см. *Arch. Sang.* I, № 76, IV, 97; А. З. Р. III, № 11, арт. 1), представляетъ собой буквально польское *jus terrestre* или *право ziemskie*. Въ актахъ литовскихъ, какъ и польскихъ, земское право шляхты иногда называется также „правомъ рыцарскимъ“. Напримѣръ, въ одномъ вырокѣ 1520 года, говорится о немъ „по обычаю въ правѣ рыцарскомъ“ за безчестіе, наносимое шляхтичу (*Бершадскій*, 1322). Что право земское считалось именно шляхетскимъ, видно изъ другаго вырока того же года, гласящаго о томъ, что на основаніи листовъ прежнихъ господарей путные слуги Путывовъ свободны отъ повинностей людей тяглыхъ,—„мають вживати права земскаго“, то-есть,

польской шляхты. Право это нельзя считать самороднымъ продуктомъ польскаго „генія“. Корни его нужно искать на почвѣ той же нѣмецкой культуры, какъ и корни сословнаго права польскихъ городовъ и сель. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что еще въ пору былой зависимости польскихъ князей отъ нѣмецкихъ императоровъ польскiе „*bagones etobiles*“ близко знакомились съ „вольностями“ нѣмецкаго рыцарства, переносили на родную, славянскую почву основные институты средневѣковаго рыцарскаго права, по его образцамъ копировали свое право шляхетское, земское, доведенное позже, въ XIV и XV вѣкахъ, до крайнихъ его результатовъ и проявленiй, какихъ оно на первоначальной, нѣмецкой родинѣ никогда не достигало.

Воздѣйствiе этого-то земскаго права польской шляхты на бытъ боярства литовскаго, а затѣмъ и русскаго, начинаетъ сказываться съ первой же унiи Литвы съ Польшей при Владиславѣ-Ягеллѣ, въ формѣ земскихъ и областныхъ привилеевъ—шляхетскихъ хартiй, дававшихся во все послѣдующее время литовскому и русскому боярству на „*libertates et iuga*“ шляхты польской ¹⁾.

„Уравненiе“ съ польскою шляхтою литовско-русскаго боярства, бывшее дѣломъ земскихъ и областныхъ привилеевъ и иногда выражавшееся въ актахъ въ „рѣзко обозначенномъ тождествѣ поляка съ паномъ, крестьянина съ русскимъ, русиномъ“ ²⁾, по своимъ политическимъ тенденцiямъ, ничѣмъ не отличалось отъ уравненiя мѣщанъ путемъ пожалованiя нѣмецкаго городского права. Привилеи земскiе и областныя; въ существѣ дѣла, преслѣдовали тѣ же колонизацiонныя цѣли, что и привилеи на магдебургское право, подготовку почвы для реальной унiи и, по возможности, полной инкорпорации Литвы съ Польшей, путемъ образованiя въ средѣ правящаго класса литовско-русскаго боярства особаго „стана“ католической шляхты—„послушнаго и ревностнаго проводника миссiонерскихъ и политическихъ тенденцiй католической Речи Посполитой“ ³⁾. Если привилеи на магде-

кначе говоря, пользуются „вольностями“ шляхты (*Бершадскiй*, 1834). Отсюда же и названiе шляхетскихъ привилеевъ „земскими“, или „посполитыми“ (O *privilegiis terrarum* см. *Zbiór pr. Lit.* 28; о привил. посполит. см. Археографическiй Сборникъ I, 12).

¹⁾ См. мои „Источники русско-литовскаго права“, 23 и слѣд.

²⁾ Такое тождество проф. С. А. Бершадскiй не безъ основанiя видитъ, напримеръ, въ привилеѣ великаго князя Александра землянамъ Бѣльскимъ (Подляхiя) начала XVI вѣка. (См. Литовскiе евреи, 306).

³⁾ См. мои „Источники русско-литовскаго права“, 26.

бургское право являлись актами реценціи основныхъ началъ полонизаціи въ быту литовско-русскихъ городовъ, то земскіе и областные привилегіи играли роль такихъ же актовъ въ быту литовскаго, а затѣмъ и русскаго боярства и землянства, съ подвластнымъ имъ сельскимъ хлопствомъ.

Разъ данное движеніе не могло остановиться на крохахъ шляхетской „вольности“ первыхъ земскихъ привилегіевъ. Спустя вѣкъ послѣ первоначальнаго „уравненія“ боярства съ шляхтой польской по Ягелловскому привилегію, литовско-русское магнатство (паны-рада) уже завоевываетъ для себя вполнѣ легальное положеніе господствующаго „стана“ въ государствѣ, съ весьма существеннымъ ограниченіемъ власти господарской, а чрезъ полвѣка послѣдовавшей затѣмъ политической нивелировки всего состава рядовой шляхты, въ руки шляхетскаго „народа“ переходятъ, наконецъ, всѣ функціи государственной власти ¹⁾. Не сдерживаемая мало сознательно національной идеей и столь же мало развитымъ инстинктомъ служенія „народному“ благу и нуждамъ, господствующая шляхта обратитъ все и вся въ государствѣ на пользу лишь своего шляхетскаго „стана“—всѣ государственныя и земскія учрежденія превратитъ въ шляхетско-сословныя, сдѣлаетъ ихъ своими ближайшими, послушными органами, заставитъ ихъ служить нуждамъ и потребностямъ одного шляхетскаго „народа“.

Понятно, наконецъ, само собой, что при такомъ положеніи вещей, шляхта совершенно выйдетъ изъ былого земскаго единства, рѣзко обособится и отъ городского мѣщанства, и сельскаго хлопства. По

¹⁾ О политическихъ прерогативахъ магнатства Литвы по земскому привилегію 1492 года см. мои „Источники литовско-русскаго права“, 31 и слѣд. О политической нивелировкѣ шляхты и о результатахъ ея въ половинѣ XVI вѣка, см. С. А. Бершадскаго „Литовскіе евреи“, 309—313. Съ земскаго привилегію 1492 года (Zbiąg, 5¹) шляхта окончательно обособляется въ сферѣ суда и наряда. Судъ господара съ радой—по преимуществу судъ шляхетскій (см. областныя привилегіи начала XVI вѣка.—Полоцкий, Волынский, Киевскій и пр., А. З. Р. II, № 30, 51, 70; А. Ю.-З. Р. I, № 86). Съ половины XVI вѣка сословнымъ, шляхетскимъ приговоромъ является „вольный“ сеймъ Речи Посполитой (позже трибуналъ), а въ областяхъ „земскіе уряды“, организованные по образцу польскихъ шляхетскихъ судовъ въ областяхъ. Административное обособленіе шляхты было деломъ не однихъ земскихъ и областныхъ привилегіевъ, но и частныхъ пожалованій отдѣльнымъ лицамъ. Напримѣръ, въ 1500 году, Гендрихъ Шлягеръ, при данинѣ имѣнія, съ правомъ судить и рядить крестьянъ безъ вмѣшательства воеводы, былъ подчиненъ непосредственному суду господара: „а до него до самого кому бы которое дѣло было, ино мы сами господаръ маемъ его съ тымъ смотрѣти“. (Варш. копія Лит. Метр., кн. 41, стр. 253).

примѣру польской шляхты, литовско-русское боярство не останется въ мѣщанской магдебургіи, не подчинится „мѣстскому“ уряду (подъ этимъ условіемъ только и можно было жить въ городѣ); оно выселится изъ „мѣста“, но не присосѣдится и къ сельскому хлопству. Литовскій и русскій панъ-магнатъ (воевода и пр.) и простой земляничъ скопируютъ для себя, въ своихъ „державахъ-маетностяхъ“, такіе же обособленные замки-дворы, въ какихъ цѣлые вѣка уже живетъ шляхта польская, подобно старому нѣмецкому рыцарству, давно обособившаяся въ своихъ шляхетскихъ замкахъ и *zagrodach* ¹⁾. Отсюда вельможный панъ будетъ не только орудовать всѣмъ хлопствомъ своей маетности, но и властно вліять на дѣла государства. Эти то дворы съ ихъ маетностями, волостями, тивунствами и „повѣтами“ ²⁾ съ теченіемъ времени сдѣлаются основными базами всего административнаго состава шляхетской Речи Посполитой.

Все это эволюціонное движеніе, совершавшееся въ жизни литовско-русскихъ областей, не сразу и не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ поражаело бывшее ихъ единство, выражавшееся въ двухъ основныхъ институтахъ древне-русской жизни—вѣчахъ и удѣльныхъ князьяхъ. Разложеніе земскаго единства областей литовскаго государства было конечнымъ результатомъ отиѣны стараго удѣльно-вѣчеваго ихъ строя, вмѣстѣ съ организаціей всего областнаго управленія по началамъ польскаго административнаго права.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что древне-русскія вѣча, на какія сходились въ своемъ центральномъ городѣ земскіе люди, „мужи“, продолжали существовать въ западно-русскихъ земляхъ и послѣ присоединенія ихъ къ литовскому государству ³⁾. Указанія на западно-

¹⁾ Выселеніе шляхты изъ городовъ признавалось самимъ закономъ, позволявшимъ боярамъ имѣть въ городѣ только дворы для приѣзда, съ ограниченнымъ числомъ людей, напримѣръ, по одному дворнику и огороднику. (См. А. З. Р. II, 61). О выходѣ шляхты изъ магдебургій, см. *Владимірскаго-Буданова „Нѣм. право“, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, т. 189, стр. 757.

²⁾ Въ Литовской метрицѣ мы нашли въ двухъ актахъ конца XV и начала XVI вѣковъ упоминаніе о „повѣтахъ“ дворовъ. Въ грамотѣ 1494 года говорится, между прочимъ, о повѣтѣ Мартиновскаго двора въ Смоленской землѣ (Лит. мет. VI, 35). Въ 1506 году король Александръ далъ пану Якубу Кунцовичу „земли наши двѣ пустыхъ у повѣтѣ двора Высокаго“. (Ibid. XXVI, 204). Здѣсь еще говорится о дворахъ „господарскихъ“; но пройдетъ три—четыре десятка лѣтъ, и тѣ же дворы съ повѣтами сдѣлаются державами и маетностями шляхты.

³⁾ Источники не даютъ точныхъ указаній на существованіе вѣчъ въ собственной Литвѣ до и послѣ присоединенія къ ней русскихъ земель. Сколько намъ

русскія вѣча встрѣчаемъ еще въ актахъ второй половины XV и даже начала XVI вѣка, когда въ особенности шляхетное магнатство стало „державствовать“ въ государствахъ и въ отдѣльныхъ областяхъ.

Такимъ образомъ, въ привилеѣ Полоцкой земли, 1456 года, категорически предписывается полочанамъ по общимъ земскимъ дѣламъ „всѣмъ згодою, посполу сыматься“ на „соймѣ“ всего земскаго населенія—боярь, дворянъ городскихъ, мѣщанъ, черни или черныхъ людей, вообще всего „посполства“¹⁾. Сношенія съ сосѣдней Ригой, посылка и приемъ пословъ, составленіе грамотъ и пр. ведутся, по строгому земскому обычаю, отъ имени полоцкихъ боярь, мѣщанъ и всего посполства²⁾. Еще въ концѣ XV вѣка полоцкіе дворяне и мѣщане съ волостными людьми нерѣдко сообща дѣйствуютъ въ качествѣ земскихъ людей, напримѣръ, ходатайствуютъ (въ 1497 году) объ общеволокныхъ дѣлахъ³⁾. Лишь послѣ введенія въ Полоцкѣ магдебургскаго права (въ 1498 г.)⁴⁾ окончательно обрываются бывшія связи полочанъ съ цѣлою землею; въ послѣдней скорѣ (въ 1500 г.) вводятся воеводы, а затѣмъ и другія областныя учрежденія по польскимъ образцамъ—старые земскіе порядки управленія смѣняются шляхетскими.

Слѣды стараго земскаго единства не совсѣмъ исчезаютъ также въ земляхъ Смоленской и Витебской: привилеи этихъ земель, изданныя въ началѣ XVI вѣка, вызваны были общимъ земскимъ челобитьемъ, не только мѣстныхъ князей и боярь, но и мѣщанъ, черныхъ людей и вообще „всего посполства“ или „всей земли“⁵⁾. Подобныя челобитья, сами по себѣ предполагающія для своей формулировки общіе

извѣстно, указаніе на литовское вѣче встрѣчается всего въ одномъ актѣ половины XIII вѣка, именно въ договорѣ пруссовъ съ нѣмецкимъ орденомъ въ 1249 году. Спрошенныя орденомъ, какиимъ правомъ желаютъ они судиться, пруссы, *посоветовавшись между собой* („*paradziwzly sie*“), просили предоставить имъ судиться по сосѣднимъ польскимъ уставамъ. И самый актъ 1249 года составленъ по „ряду“ съ пруссами, очевидно, на общей сходкѣ (Skarb. № 111). Вообще же говоря, литовцы, жившіе до половины XIII вѣка мелкими волостями безъ всякихъ земскихъ связей (см. *Дитановичъ*, Моногр. I, стр. 9—16), едва ли могли выработать у себя вѣчевой строй въ такихъ формахъ, въ какиихъ онъ встаринѣ существовалъ въ русскихъ земляхъ.

¹⁾ А. З. Р. I, № 60.

²⁾ Русск.-лит. Ак., № 154, 249, 263 и др.

³⁾ А. З. Р. I, № 147.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 159.

⁵⁾ А. З. Р. I, № 204, 213.

„соймы“ земскихъ людей, во всякомъ случаѣ указываютъ на не совсѣмъ утратившееся сознание о земскомъ единствѣ различныхъ классовъ населенія, составлявшихъ изъ себя одну землю или посполство.

Признаки стараго земскаго единства западно-русскихъ земель и волостей можно прослѣдить также въ актахъ статутаго времени. Такимъ образомъ, уставная грамота 1540 года категорически говорить объ общей и именно „вѣчевой“ функціи Свислоцкихъ мѣщанъ и волощанъ. Они сообща, по ихъ „старинѣ“, разметываютъ между собой господарскія дани: „тогда ни вридникъ и никто къ нимъ не маеть вѣзжати, одно сами мужи и закидываютъ“, то-есть, самостоятельно раскладываютъ дань между всѣмъ населеніемъ мѣста и волости ¹⁾, порядокъ, вполнѣ напоминающій вѣчевые „разрубы“ и „розметы“, напримѣръ, хотъ стараго Новгорода.

Вообще можно безошибочно сказать, что бывшее земское единство раньше и глубже разлагается, главнымъ образомъ, въ областяхъ, по своему географическому положенію подвергшихся непосредственной сплошной колонизаціи; чѣмъ далѣе затѣмъ на востокъ, къ Украинѣ, тѣмъ продолжительнѣе и упорнѣе держатся исконные земскіе порядки. Присяга вѣрности королю Владиславу-Ягеллѣ и коронѣ польской, данная въ 1388 году Новгородъ-Сѣверскою землей, была актомъ не одной рады мѣстнаго князя Кобыты, но и земянъ, городовъ и всего „посполства“, являлась, слѣдовательно, результатомъ вѣчевой функціи всего земскаго населенія ²⁾. Въ южно-русскихъ окраинахъ и послѣ Люблинской уніи боярщина не совсѣмъ утратила старыя земскія связи съ городомъ и волостью: еще въ 1571 году Бѣло-Церковскіе бояре сообща съ мѣщанами отправляли земскія повинности ³⁾.

Западно-русское крестьянство, больше другихъ классовъ оставшееся вѣрнымъ основнымъ началамъ старой земской общины, удерживало въ своемъ быту въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени и всѣ вѣчевые порядки. Такимъ образомъ, и послѣ выдѣленія изъ земства городскихъ магдебургій и боярства-шляхты,

¹⁾ Ibid. II, № 203.

²⁾ Въ присяжномъ листѣ 1388 года мѣстные князья (до 6-ти), „послушные“ сѣверскому князю Кобыту, бояре (до 20-ти)—рада этого князя, со всѣмъ „посполствомъ“ и „земянами“—„со всеми своими землями и городами, з бояры и съ людьми, вѣрность правая и нерушистая съюбили“ etc. (Arch. Sang, I, стр. 8—9).

³⁾ А. Ю.-З. Р. I, № 60. Въ Бѣлой Церкви магдебургское право было введено въ 1620 году (Baliński, Staroż. Polska, II, 571). Лишь съ этого времени порываются земскія связи мѣщанъ съ боярствомъ и волостными людьми.

старыя земскія вѣча не вовсе исчезаютъ; въ видѣ переживанія они удерживаются въ сельской общинѣ, становятся сословными, крестьянскими. „Веча“, „вечья“ и „копы“, упоминающіяся въ актахъ XVI и XVII вѣка „въ значеніи волостныхъ, крестьянскихъ сходовъ, подъ гнетомъ „вѣчнаго права“ пановъ-землевладѣльцевъ, не могли однако рассчитывать на долговѣчное, нормальное развитіе, — „могли держаться еще нѣсколько времени только въ силу привычки: защищать ихъ законность и права было уже некому“¹⁾.

Кстати замѣтимъ здѣсь любопытное указаніе въ актахъ, собранныхъ С. А. Бершадскимъ (стр. 124, 152, 153, 156), на „вѣчниковъ“ въ Смоленской землѣ. Въ „записной книгѣ“ Казимира говорится, между прочимъ, о данинѣ разнымъ лицамъ дворовъ и сель вѣчниковъ. Что такое вѣчники? Г. Любавскій (стр. 785) считаетъ ихъ „либо бортниками, либо крестьянами — мастерами, приготовлявшими посуду для меда“, и ссылается при этомъ на привилей Кіевскимъ мѣщанамъ 1494 года, гдѣ говорится о платившемся воеводамъ медовомъ сборѣ: „съ посудыны съ *вѣчка* съ полугрошку, а отъ колоды меду грошь, а за носатку меду два гроша“²⁾ Въ Малороссіи по сей день „вѣчко“ или „очко“ означаетъ отверстіе „посудины“ — улья, какимъ влетаютъ въ него пчелы. Объясненіе вѣчниковъ въ смыслѣ бортниковъ намъ кажется слишкомъ искусственнымъ. Почему не принять значеніе вѣчника въ буквальный смыслѣ члена вѣча, подобно „копнику“ южной Руси, означавшему то же, что и вѣчникъ сѣверно-русскій? Вѣдь при Казимирѣ въ Смоленской и другихъ кривичскихъ земляхъ старыя вѣчевой бытъ общинъ еще держался въ полной силѣ: подъ вѣчниками и могли разумѣться свободные крестьяне — общинники, жившіе на волостныхъ земляхъ и собиравшіеся на „вѣчахъ“, напримѣръ, для „слѣдогона“ или „опыта“ по татбынымъ дѣламъ и проч.³⁾ Такіе вѣчники, поступавшіе съ ихъ землями въ данину, не

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, т. 139, стр. 758. О вѣчахъ и вѣчьяхъ, въ смыслѣ сельскихъ копъ, крестьянскихъ сходовъ, см. напримѣръ, Arch. Sangusz. IV, 189. О крестьянскихъ копахъ и копныхъ судахъ, кромѣ старыхъ изслѣдованій Иваншева, Леонтовича, Антоновича, Новицкаго и другихъ, см. новѣйшіе труды И. Спринса, въ „Трудахъ Виленскаго Отдѣленія Московскаго предвѣстительнаго Комитета по устройству въ Вилянѣ IX археологическаго съѣзда“ 1893 г. и въ предисловіи къ „Актамъ“ археографической Виленской Комиссіи; въ особенности же обстоятельный этюдъ г-жи А. Ефименко „О народныхъ судахъ въ юго-западной Русіи“, — *Русская Мысль* за 1893 г. сентябрь — октябрь.

²⁾ Asp. I, № 120.

³⁾ Arch. Sang. IV, № 139.

переставали считаться свободными членами своего вѣчеваго округа. Предметомъ данины служили не сами вѣчники, но лишь право на ихъ службу, отправляющуюся ими въ пользу господари и переходившую по дацинѣ къ землевладѣльцамъ.

На совершенно иной почвѣ, подъ воздѣйствіемъ иныхъ началъ, чуждыхъ древне-русскому быту, возникаютъ мѣстные шляхетскіе „соймы“ (сѣзды, сборы, съемы), позднѣйшіе повѣтовые сеймики, скопированные съ польскихъ образцовъ. Подобно старымъ вѣчамъ, соймы также „объединяютъ“, но только не все земское населеніе, а лишь одно мѣстное шляхетство. Первые опыты такихъ соймовъ встрѣчаются еще въ пору уніи Литвы-Руси съ Польшей при Владиславѣ Ягеллѣ. Въ 1388 году присяга вѣрности и „послушанія“ королю и коронѣ Польской дается всѣмъ составомъ шляхты Новгородской земли (Литовской, въ Черной Руси) — князьями, панами, „всѣмъ посполствамъ“ бояръ и землянь, очевидно, на общемъ шляхетскомъ соймѣ ¹⁾. Интересно сопоставить одновременные и однородные акты, касавшіеся двухъ различныхъ областей Литовскаго государства—Новгородской земли сѣверской и Новгородской земли литовской. Въ Сѣверцинѣ (см. выше) присяга послушанія была актомъ вѣчевой функціи всего земства, не однихъ землянь, но и городовъ и всѣхъ „людей“, всего „посполства“; въ Черной Руси, напротивъ, функционируютъ на соймѣ лишь одни паны съ землянами. Сѣверцино-восточная окраина государства—остается въ этомъ случаѣ вполнѣ вѣрною древнерусскому вѣчевому строю,—еще не знаетъ того непосредственнаго „воздѣйствія“ польскихъ шляхетскихъ порядковъ, какое уже въ пору первой польско-литовской уніи стало обнаруживаться въ западныхъ окраинахъ Литовскаго государства, гдѣ рано началась колонизація края, „уравненіе“ мѣстнаго землянства съ польскою шляхтой, прививка польскихъ административныхъ учреждений и проч. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, то обстоятельство, что въ пору составления присяжнаго листа Новгородской шляхтой отъ имени всей земли, Новгородъ—литовскій числился еще въ составѣ послѣдней,—магдебургское право было въ немъ введено лишь въ 1511 году ²⁾. Между тѣмъ, не видно, чтобы Новгородчане принимали какое либо непосредственное участіе въ составленіи акта присяги королю и коронѣ польской. Очевидно, разложеніе земскаго единства русско-литовскихъ об-

¹⁾ Arch. Sangusz. I, № 9.

²⁾ Asp. II, № 71. Ср. *Baliński*, *Staróz. Polska*, IV, 501.

ластей могло имѣть мѣсто и безъ прямого воздѣйствія со стороны городского магдебургскаго права.

Практика областныхъ соймовъ шляхты развивается въ особенности съ половины XV столѣтія, въ формѣ не только большихъ съѣздовъ всей шляхты данной земли ¹⁾, но и нерѣдко „съемовъ“ незначительнаго числа сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которыхъ непосредственно касалось дѣло, требовавшее совыва съема ²⁾. Въ областныхъ соймахъ шляхты изрѣдка участвуютъ и мѣщане; но участие ихъ нисколько не можетъ служить основаніемъ считать такіе соймы не шляхетскими, а общеземскими учреждениями. Дѣло въ томъ, что мѣщане участвовали въ шляхетскихъ соймахъ въ качествѣ собственно не мѣщанъ, но такихъ же точно землевладѣльцевъ, какъ и земляне, именно въ силу признаннаго за мѣщанами (съ земскаго привилея 1458 года, — см. выше) права владѣнія земскими имѣніями на одинаковомъ основаніи съ шляхтой. Мѣщане призывались, поэтому, на областные соймы шляхты, главнымъ образомъ, лишь въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь шла, напримѣръ, о похожихъ людяхъ или другихъ дѣлахъ по земскимъ имѣніямъ ³⁾.

Соймами назывались вообще всякіе съѣзды мѣстной шляхты по дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Со временъ Сигизмунда I-го начинаютъ входить въ практику и копироваться по польскимъ образцамъ шляхетскіе съѣзды по повѣтамъ, между прочимъ, для выбора землянь, отряжавшихся на общіе (вальные) сеймы литовскихъ пановъ — рады. Сколько извѣстно изъ актовъ, впервые такіе съемы были сованы въ повѣтахъ въ 1511 году, для избранія представителей землянь (по два отъ повѣта) на предстоявшій въ Вильнѣ общій сеймъ съ цѣлью обсуждения вопроса о способахъ отбыванія военной службы ⁴⁾. Подъ 1522 годомъ упоминается другой „вальный“ сеймъ, состоявшій

¹⁾ Arch. Sang. III, 44, 84, 319, 320 и проч. Акты Ю. З. Россіи II, № 114. Zródła dz. VI, стр. LXI и сл. Памят. IV, отд. 2, стр. 62-

²⁾ Такъ, въ 1474 г. Лудкій староста Ходкевичъ, по требованію господара, совалъ въ Луцкѣ на „съемъ“ 13 пановъ и землянь, владѣвшихъ имѣніями подъ господарскою дубровою Свиноскою, для объявленія имъ распоряженія господара — не вѣзжать въ дуброву, не пустошить въ ней лововъ и проч. (Бернад., 246).

³⁾ Такимъ образомъ, на общемъ съѣздѣ шляхты Полоцкой и Витебской въ 1551 г., трактовавшей о похожихъ людяхъ земскихъ имѣній шляхты, участвовали поны и мѣщане тоже въ качествѣ землевладѣльцевъ (Памят. I, отд. 2, стр. 9).

⁴⁾ Бернадскій, 899.

тоже изъ нановъ радныхъ и землянь ¹⁾. Съ 1544 года земле уже постоянно призываются на общіе сеймы Литвы, пока, наконецъ, конституціей 1565 г. окончательно не узаконяются повѣтовые сеймики и участіе „земскихъ пословъ“ (представителей повѣтовой шляхты) въ общихъ сеймахъ ²⁾. Начала этой-то конституціи закрѣпляются въ Литовскомъ Статутѣ 1566 и 1588 г. ³⁾, входятъ въ составъ основныхъ законовъ государства, безповоротно рѣшившихъ вопросъ о переходѣ къ шляхетскому „народу“ ⁴⁾ всѣхъ функций государственной власти.

Разложеніе земскаго единства литовско-русскихъ областей стоитъ, затѣмъ, въ связи съ удѣльною системою, существовавшей во всѣхъ областяхъ Литовскаго государства. Вслѣдъ за первыми опытами уніи Литвы-Руси съ Польшей начался медленный процессъ внутренняго объединенія Литовскаго государства. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка удѣльная система падаетъ въ главныхъ центрахъ собственно литовскихъ областей, а также въ сосѣднихъ кривичскихъ земляхъ Полоцкой, Витебской, Минской и Черной Руси ⁴⁾. Въ остальныхъ областяхъ Литовскаго государства центральные удѣлы держались до 40—80 годовъ XV столѣтія ⁵⁾. Что касается, затѣмъ, второстепенныхъ удѣльныхъ волостей и княженій Литовскаго государства, то инкорпорации съ великокняжескими владѣніями подверглись (съ конца XIV вѣка) сравнительно немногія княжескія волости, главнымъ образомъ, въ сѣверной половинѣ государства; большинство старыхъ удѣльныхъ княженій осталось до позднѣйшаго времени на положеніи родовыхъ княжескихъ вотчинъ, постепенно вошедшихъ въ общій составъ земскихъ имѣній. Какъ замѣчено нами въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾, литовскіе великіе князья подчиняли удѣльныя владѣнія своей не-

¹⁾ Ibid, 1366.

²⁾ Аар. III, № 39, и предисловіе къ статуту 1566 г.—Времен. 23, стр. 11—13.

³⁾ Лит. Стат. 1566, III, 5; Стат. 1588, III, 6—9. Ср. *Бершадскаю*, „Литов. евреи“, стр. 309—313.

⁴⁾ Удѣльная самостоятельность Полоцкой земли прекращается около 1392 г., Витебской въ 1396 г., Минской въ 1408 г. Гродненской и Слонимской въ 1392 и Новогородской въ 1431 г. Данныя касательно литовско-русской удѣльной системы изложены подробно въ моимъ „Очеркахъ исторіи Литовско-русскаго права“.

⁵⁾ Въ 1442 г. присоединены къ великокняжескому удѣлу владѣнія бывшихъ Смоленскихъ князей; въ 1445 г. падаетъ удѣльная независимость Подляхій, въ 1451 г. Волыни и Подоля, въ 1470 г. Кіевщины и въ 80-хъ годахъ того же вѣка Брянской земли.

⁶⁾ См. „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовскаго государства“, стр. 31 и слѣд.

посредственной власти, главнымъ образомъ, по праву выморочности, при прекращеніи рода удѣльныхъ князей ¹⁾, или же удаляли ихъ изъ удѣловъ лишь при явномъ стремленіи къ отдѣленію отъ государства, когда сама земля или удѣльный князь „не всхоте покоры учинити“, „послушнымъ быти“ и пр. ²⁾. Инкорпорация Волини (послѣ Свидригайла) и цѣлаго ряда меньшихъ удѣльныхъ владѣній ³⁾ имѣла мѣсто также на основаніи записей мѣстныхъ князей, добровольно передававшихъ свои удѣлы литовскимъ государямъ. Бывшіе удѣлы присоединялись къ великокняжескимъ владѣніямъ или же, путемъ господарской данины, переходили къ литовскимъ панамъ на положеніи староствъ, а то и прямо наследственныхъ вотчинъ.

По вопросу о судьбѣ владѣній бывшихъ удѣльныхъ князей слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что, при томъ положеніи вещей, какое стало устанавливаться въ Литовскомъ государствѣ въ пору развитія шляхетскихъ вольностей, едва ли и могла въ полной мѣрѣ осуществляться систематическая инкорпорация всѣхъ удѣльныхъ владѣній большихъ и малыхъ, какъ это было въ восточной Руси, въ эпоху сложения Московскаго государства. „*Iura regalia*“, прибрѣтенныя Литовско-русской шляхтой на основаніи земскихъ привилеевъ 1434, 1457 и другихъ годовъ, какъ увидимъ ниже, не только ни чѣмъ не отличались, но и въ конечномъ результатѣ значительно превышали „владѣтельныя права“, принадлежавшія старымъ удѣльнымъ князьямъ надъ населеніемъ подвластныхъ имъ владѣній. Для князей не было и надобности строго стоять на стражѣ своихъ правъ на принадлежавшія имъ владѣнія: права эти достаточно гарантировались тѣми же земскими привилеями ⁴⁾. Въ интересахъ князей было не стоять

¹⁾ Напримѣръ, Кіевского княжества послѣ Скиргайла, Волини послѣ Лубарта Гедиминовича, также мелкихъ удѣловъ—Керновскаго, Кревскаго, Кобринскаго, Городненскаго и др.

²⁾ Такова инкорпорация княжествъ: Витебскаго при Свидригайлѣ, Кіевского при Владимірѣ Ольгердовичѣ, Полоцкаго при Скиргайлѣ, Подольскаго при Федорѣ Коріатовичѣ и пр.

³⁾ Княжествъ—Пинскаго и Городецкаго въ 1509 г., Клецкаго и Рогачова въ 20-хъ годахъ того же XVI вѣка. Глузка Гольшанскаго и пр. см. „Очерки“, стр. 136, 144, 147, 242 и др.

⁴⁾ Въ земскихъ привилеяхъ 1434, 1457, 1492 и другихъ годовъ въ ряду privilegiрованныхъ классовъ стоятъ на первомъ планѣ „*principes et duces*“: для нихъ вполнѣ гарантируется неприкосновенность привилеевъ и вообще актовъ, въ силу которыхъ они владѣютъ своими вотчинами и выслугами и гарантируется именно на одинаковомъ основаніи съ *barones, nobiles, boiari* (Бернад., 72; Zbidę pr. Lit., 29. 58).

изолированно отъ шляхетства съ его болѣе и болѣе усиливающейся политической ролью и значеніемъ въ государствѣ, а именно стать во главѣ новаго движенія: князья при этомъ ничего не теряли и могли лишь упрочить свое положеніе въ новомъ политическомъ строѣ государства. И какъ показываютъ факты, князья оказались на высотѣ своей задачи. Сохранивъ за собой свои старыя владѣнія на общемъ основаніи съ панями-землевладѣльцами, князья сумѣли занять видное мѣсто въ составѣ шляхетскаго „народа“ и этимъ, въ концѣ концовъ, обеспечили для себя полноправное участіе во всѣхъ политическихъ функціяхъ шляхетской Речи Посполитой.

Такая политика Литовско-русскихъ князей, какъ видно изъ актовъ, не сразу опредѣлилась. Первые земскіе привилеи (1387, 1413 г.) знаютъ лишь „arhigierl seu boiari, nobiles, barones“; о князьяхъ нѣтъ ни слова. Очевидно, въ это время они стояли еще въ сторонѣ, обособленно отъ шляхты. Первые признаки сближенія князей со шляхтой замѣчаются въ Ягелловскомъ привилеѣ 1432 года de coaequatationis Russorum cum Lithuanis: „уравненіе“ касается не только шляхты (boiari et nobiles), но и стоящихъ на первомъ планѣ „principes et duces“¹⁾. Также же передовое положеніе отводится князьямъ во всѣхъ послѣдующихъ земскихъ и областныхъ привилеяхъ.

Въ это-то время начинается вполнѣ развиваться процессъ самопроизвольнаго перерожденія „владѣтельныхъ“ князей въ титулованный шляхетскій классъ, являющійся не послѣднимъ дѣятеlemъ, ратовавшимъ въ сторону шляхетскихъ вольностей. Въ актахъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на систематическую „секуляризацию“ владѣтельныхъ правъ удѣльныхъ князей въ силу ясно сознаннаго принципа государственнаго единодержавія: удѣльные князья, въ громадномъ большинствѣ, вовсе не утратили своихъ владѣній, какъ и не были въ цѣломъ своемъ составѣ низведены въ „служилыхъ“ князей. Силой обстоятельствъ князья сами должны были примкнуть къ шляхетству въ его стремленіи къ господству въ государствѣ. Уже въ то время, когда удѣльная система въ Литвѣ еще держалась старыхъ основъ, отдѣльные представители княжескихъ родовъ не довольствуются „владѣтельными“ правами и сравнительно скромной дѣятельностью въ своихъ вотчинахъ, стараются заручиться „господарскими“ придворными и земскими урядами и этимъ путемъ обезпечить для себя свободный доступъ въ раду литовскихъ господарей, при-

¹⁾ Варшавскія Университет. Извѣстія, 1893, III, стр. 23,

нявшую съ земскаго привилея 1492 г., какъ мы знаемъ, легальное участіе во всѣхъ функціяхъ государственной власти.

Подъ воздѣйствіемъ общей шляхетской нивелировки, княжескіе роды не могли огуломъ выдѣлиться въ особый, привилегированный классъ, съ какими либо специальными преимуществами сравнительно съ остальною шляхтой. Въ положеніи князей, какъ и шляхты, все опредѣлялось бытовыми (по преимуществу экономическими) условіями: князь захудавшій поступалъ въ господарскіе дворяне, на одинакомъ основаніи съ захудавшимъ „паномъ“ или простымъ земляниномъ, „потерявъ же вотчину, становился неосѣдлымъ шляхтичемъ, паравиъ съ другими безземельниками“¹⁾. Да едва ли князья и могли рассчитывать на какія либо особыя привилегіи: шляхетскія „libertates et iura“ разрослись, въ концѣ концовъ, до такихъ размѣровъ, что за рубежомъ шляхетскихъ вольностей едва ли оставалось еще что либо существенно-важное, что могло бы сдѣлаться объектомъ собственно княжескихъ вольностей.

Весь процессъ „уравненія“ князей и шляхты сводится собственно не къ деградации князей, не къ пониженію ихъ до средняго, сословнаго уровня съ землевладѣльческимъ классомъ — дворянствомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, а именно къ поднятію самой шляхты на высоту „владѣтельныхъ“ прерогативъ князей. Ни раньше, ни въ пору полного уравненія князей и шляхты (въ XVI вѣкѣ), никогда не терялось въ общественномъ сознаніи выработанное вѣками воззрѣніе на княжеское званіе. Разъ за этимъ званіемъ не признавалось никакой важной, общественно-политической функціи, не имѣли бы мѣста и династическія тенденціи, господствовавшія съ XVI вѣка въ средѣ литовско-русскаго магнатства и выражавшіяся въ усвоеніи магнатскими родами разныхъ княжескихъ „przydomyków“ (Сапѣги-Наримонтовичи и пр.), особенно же въ дѣятельной фабрикаціи родословныхъ и привилеевъ на княжескіе титулы и гербы. Подъ прикрытіемъ княжескихъ przydomków, привилеевъ и родословныхъ магнатскіе роды сопричислялись къ Гедиминовичамъ и кандидатамъ на господарскій тронъ, а главнымъ образомъ, обезпечивали за собой прочное положеніе въ господарской радѣ и вообще во вновь возникавшемъ, политическомъ строѣ государства²⁾.

¹⁾ С. А. Бершадскій, „Литовскіе евреи“, 295.

²⁾ Такими тенденціями руководился, напримѣръ, въ пору Люблинской унии представитель рода кн. Чарторижскихъ (русскихъ по происхожденію), представив-

Результаты отмѣны удѣльно-вѣчеваго строя областей на старыхъ земскихъ основахъ не замедлили отразиться въ разложеніи благого политическаго и административнаго единства этихъ областей. Пока области составляли изъ себя отдѣльныя княженія, до тѣхъ поръ все земское населеніе, со своими мѣстными правителями-намѣстниками и другими органами княжескаго наряда, подчинялось общей мѣстной власти—своимъ земскимъ князьямъ. Старое земское единство принадлежавшихъ имъ областей сохранялось въ полной силѣ: пригороды и волости со всѣмъ ихъ населеніемъ тянули въ каждой землѣ-княженіи къ одному земскому центру—стольному городу земли. Иной порядокъ вещей постепенно устанавливается послѣ отмѣны княженій, обнимавшихъ цѣлыя земли, и послѣ выдѣленія стольныхъ ихъ центровъ въ самостоятельныя магдебургии. Прежнее административное единство земли должно было рано или поздно въ корни рушиться: земли сами собою стали разлагаться на свои составныя части—повѣты, волости, староства, получавшія видъ отдѣльныхъ земель—округовъ, въ одинаковой мѣрѣ зависѣвшихъ съ своими правителями непосредственно отъ литовскаго господаря, безъ прежнихъ, вездѣ и во всемъ солидарныхъ, земскихъ связей. Если, затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ русскихъ областей (Полоцкой, Витебской и др.) земское ихъ единство не сразу и не въ полномъ объемѣ рушилось, болѣе или менѣе продолжительное время еще держалось старыхъ своихъ основъ, то это могло имѣть мѣсто, благодаря лишь устойчивости и живучести старыхъ вѣчъ, какъ мы знаемъ, существовавшихъ въ русскихъ земляхъ болѣе или менѣе долго и послѣ отмѣны земскихъ княженій.

Политическое и административное единство литовско-русскихъ областей на старыхъ, земскихъ основаніяхъ не могло найти для себя поддержки и охраны въ новыхъ административныхъ органахъ—вое-

шій на санкцію сейма 1569 г. несомнѣнно раньше сфабрикованный привилей кор. Владислава-Варненчика на фамильный княжескій гербъ. Князь Чарторыйскій заявилъ на сеймѣ о своемъ родствѣ съ Ягеллонами ради того, чтобы „домъ его всегда имѣлъ мѣсто въ господарской радѣ въ силу его княжескаго достоинства“. Тѣ же тенденціи лежали въ основѣ домогательства на княжескій титулъ со стороны Сапѣговъ, до XVI вѣка, считавшихся простыми „панамі“: на основаніи сфабрикованнаго ими привилей на княжеское достоинство (въ силу измышленной родословной отъ Наримонта Гедим.), Сигизмундъ Старый подтверждаетъ въ 1512 г. ихъ родословную, а при Сигизмундѣ Августѣ, на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., дается сеймовая санкція княжескому диплому, якобы данному Сапѣгамъ кор. Владиславомъ-Варненчикомъ въ Будѣ, какъ и Чарторыйскимъ (см. мои „Очерки ист. лит.-русс. права“, стр. 261--265).

водахъ и старостахъ, съ XV вѣка вводившихся въ отдѣльныхъ областяхъ государства ¹⁾). Въ цѣломъ рядѣ земель воеводское управленіе организуется спустя болѣе столѣтія послѣ закрытія земскихъ удѣловъ, то-есть, въ такое именно время, когда „функціи“ бывшихъ земскихъ князей пришли уже въ полное забвеніе и потому едва ли могли преемственно перейти, хотя бы и неполностью, къ областнымъ правителямъ новаго типа. Уже въ виду одного этого обстоятельства воеводѣ едва ли слѣдуетъ считать прямыми преемниками князей въ дѣлѣ „представительства“ бываго „земскаго“ единства областей.

Воеводы, какъ и старосты (напримѣръ, жмудскій или луцкій), по принципу ихъ власти, дѣйствительно могли „объединять“, но только не самыя земли, со всѣмъ разнообразнымъ составомъ земскаго населенія, а лишь одну „командующую“ его часть — шляхетство, принадлежавшее къ данному воеводству. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ пору перваго введенія воеводствъ въ собственной Литвѣ появляются привилегированныя магдебургіи, стоявшія внѣ всякой связи съ общою, областною администраціей; въ такое же обособленное положеніе становится и все населеніе шляхетскихъ маестностей, а также волостей, взятыхъ (напримѣръ, въ Жмуди) господами въ свою непосредственную эксплуатацію. Такимъ образомъ, уже на первыхъ порахъ воеводы и старосты могли имѣть дѣло лишь съ свободными волостями и мѣстами, не бывшими ни въ чьей „державѣ“ и не слившимися въ составѣ магдебургій.

Весь вопросъ собственно сводится къ принципиальному различію

¹⁾ О вліяніи воеводъ на земское единство областей см. мои „Очерки исторіи литовско-русскаго права“, 187—193. Столы земскихъ князей въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Новогородѣ и пр. закрываются въ концѣ XIV вѣка и началѣ XV вѣка. Между тѣмъ, области эти образуютъ отдѣльныя воеводства лишь въ теченіе XVI вѣка. Смоленская земля до самаго присоединенія къ Москвѣ (въ началѣ XVI столѣтія) управлялась лишь отдѣльными намѣстниками, не зная вовсе особыхъ мѣстныхъ воеводъ. Что касается другихъ областей, то ранше всѣхъ воеводы вводятся въ собственно литовскихъ областяхъ: въ 1418 г. учреждаются воеводства Виленское и Троцкое; въ то же время появляется соотвѣствующее воеводству староство Жмудское. Послѣ закрытія кievскаго удѣльнаго стола въ 1471 г. появляются кievскіе воеводы. Предъ Люблинской унией выделяются воеводства Мстиславское, Брестъ-Литовское и др., и, наконецъ, уже послѣ присоединенія Волыни и Брацлавщины непосредственно къ Польшѣ области эти превращаются въ воеводства. Въ актѣ Лкблинской униі собственно Литовское княжество раздѣляется на девять воеводствъ (Vol. leg., II, p. 793, § 79).

въ самой природѣ и функціяхъ власти правителей стараго и новаго типа. Старый намѣстникъ — непосредственный органъ великоняжеской власти; его нарядъ развился на почвѣ стараго, земскаго самоуправления общинъ, въ одинаковой мѣрѣ распространялся на все населеніе подвластнаго ему земскаго округа. Иной административный принципъ лежитъ въ основѣ новаго, воеводскаго управленія: корни его нужно искать не въ „пошлинѣ“ старой земщины, а въ совершенно новой системѣ шляхетскихъ вольностей. Воевода является въ области представителемъ собственно не княжеской власти, а лишь шляхетскаго самоуправления. Если, затѣмъ, въ функцію воеводы первоначально входило въ Литвѣ и представительство княжеской власти, то это вовсе не опредѣлялось принципиальнымъ назначеніемъ воеводскаго наряда, было лишь временнымъ явленіемъ, обусловливалось еще неподнымъ развитіемъ шляхетскихъ вольностей и шляхетскаго самоуправления.

Первые слѣды сословнаго самоуправления шляхты по началамъ польскаго административнаго права находимъ въ земскомъ привилеѣ 1387 г. Въ ряду основныхъ „libertates et jura“ литовской шляхты привилей ставитъ на первомъ планѣ признаніе за ней вотчинныхъ правъ наравнѣ съ польскою шляхтою и учрежденіе въ каждой каштеляніи, повѣтѣ и землѣ судьи и justitiarius'a (старопольскаго organey по дѣламъ уголовнымъ) ¹⁾, по обычаю земель, живущихъ по польскому праву („more et jure conformitus aliorum judicum, terrarum et districtum, judiciis regni nostri Poloniae praesidentium“) ²⁾. Здѣсь нужно видѣть первые зародыши тѣхъ сословныхъ урядовъ шляхты, которые позже сложатся въ законченной формѣ польскихъ земскихъ и городскихъ судовъ. Къ шляхетскимъ же „вольностямъ“ городельскій привилей 1413 г. относитъ учрежденіе въ Литвѣ на вѣчныя времена такихъ же достоинствъ, мѣстъ и урядовъ (dignitates, sedes et officia), какъ и въ Польшѣ, — воеводъ, каштеляновъ и иныхъ земскихъ должностей — въ Вильнѣ, Трокахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ, по усмотрѣнію господаря, окажется это необходимымъ, съ избраніемъ во всѣ земскіе уряды (какъ и въ паны радные) только католиковъ ³⁾.

¹⁾ См. мои „Источн. литовско-русскаго права“, 27.

²⁾ Zbiór pr. Lit., стр. 1.

³⁾ Zbiór pr. Lit., 14—15. Skarb. № 1025. Уряды оставались достоинствомъ католиковъ до конституціи 1563 г. (А. С. Р., III, № 82. А. Ю.-З. Р., III, 158.

Изъ послѣдующихъ шляхетскихъ привилеевъ, въ особенности областныхъ ¹⁾, ясно видно, что воеводы, какъ и другіе „земскіе“ урядники, получили въ Литвѣ такое же точно значеніе, какъ и въ Польшѣ, то-есть, функционировали въ качествѣ шляхетскихъ, выборныхъ должностей, главнымъ образомъ, по всѣмъ общественнымъ дѣламъ, стоявшимъ въ связи съ правомъ „земскимъ“, или, что то же самое, шляхетскимъ. Земскіе уряды (съ судьями, подсудками и пр.), какъ они окончательно выработались въ Польшѣ, съ половины XV вѣка цѣликомъ вводятся вмѣстѣ съ земскимъ польскимъ правомъ въ западной Подляхѣ (земляхъ Дорогичской около половины XV вѣка и Бѣльской въ 1501 г.) ²⁾, а съ привилея Бѣльскаго 1564 г. и во всѣхъ остальныхъ областяхъ литовскаго государства, что было затѣмъ санкціонировано Литовскимъ Статутомъ 1566 г. ³⁾.

Люблинская унія 1569 г. была послѣднимъ актомъ, безповоротно рѣшившимъ полную побѣду въ Литвѣ польскихъ государственно-административныхъ учрежденій, съ отиѣной послѣднихъ обломковъ стараго, удѣльно-вѣчеваго строя, задержавшихся мѣстами въ русскихъ областяхъ. Съ переходомъ государственной власти отъ бывшаго господаря къ шляхтѣ ⁴⁾, административныя учрежденія госу-

Временн. Моск. общ. ист. и древ., кн. 23, II, стр. 2 — 3). Отдѣльные уряды польскіе (старосты, маршалки и др.) вводились въ нѣкоторыхъ областяхъ и раньше городельскаго привилея. Напримѣръ, подольскіе воеводы были уже при Кориатовичахъ; старосты въ Ошмянахъ упоминаются подъ 1384 г., въ Жмуди подъ 1392 г.; маршалки подъ 1380 г. и пр. (см. Собр. госуд. грам. и актовъ, относящихся къ „исторіи Литвы“, I, стр. 1. Skarb., № 624. *Бершадск.*, стр. 1, 5, 80, 82, 86 и др.).

¹⁾ Напримѣръ, привилеевъ Жмудскаго (1492 г.), Полоцкаго (1511), Дорогичскаго (1516) и др. (см. А. С. Р., I, № 108; II, 80, 51, 70. *Zbiór pr. Lit.*, 118).

²⁾ *Zbiór pr. Lit.*, 82, 118. *Vol. leg.*, I, 174. Ср. моѣ „Источн. русско-литовскаго права“, 64.

³⁾ Временн. Моск. общ. ист. и древн., кн. 23, II, стр. 4—10, — Бѣльскій привилей, 1564. *Ibid.*, *Лит. Ст.*, 1566, IV, 1 и слѣд.

⁴⁾ По словамъ одного изъ польскихъ дѣятелей половины прошлаго вѣка — Вельгурскаго, близко знавшаго политическіе устои своей Речи Посполитой, „Rzecz pospolita Polska samej tylko szlachcie władzy powierzuta“ (*Wielhórski*, *O przynależności dawnego Rządu*, 1755, стр. 305). Какъ извѣстно, король Сигизмундъ-Августъ, въ своей „декларасіи о униі“, 1564 г. уступилъ свои наследственные права на Литву польской Речи Посполитой: „Zaniechawszy wszelkie dziedzicznej sukcesyji na ziemię Litowską, dobrowolnie Rzeczy pospolitej, a tej sławnej Koronie Polskiej odstępuiemu у wyrzekami się на wieczne czasy“. (*Vol. leg.*, II, стр. 643—644). О значеніи „Речи Посполитой“ см. ниже.

дарства, во всей ихъ совокупности, становятся строго-шляхетскими. Пренный государь низводится въ шляхетскій рангъ, является въ роли перваго, выборнаго „урядника“ державной шляхты ¹⁾. Затѣмъ, и другія государственныя учрежденія (начиная съ генеральнаго сейма, и рады-сената и кончая низшими, земскими урядами въ повѣтахъ), какъ органы исключительно сословныя, шляхетскіе, функционируютъ лишь въ интересахъ самой шляхты.

Таковъ сложный рядъ условій, подъ прямымъ и косвеннымъ воздействием которыхъ развился сперва въ Польшѣ, затѣмъ и въ Литвѣ, своеобразный, *сословный типъ территориально-административнаго состава* государства. Сословныя квалификаціи не сразу и не въ одинаковыхъ формахъ установились на всей территоріи государства; онѣ развивались, вообще говоря, параллельно съ постепеннымъ обособленіемъ самихъ сословій въ отдѣльныхъ областяхъ и въ особенности параллельно съ развитіемъ и упроченіемъ сословныхъ вольностей командующаго класса-шляхты. Начавшись съ обособленія панскаго двора-маетности отъ мѣщанскаго города и крестьянскаго дыма-дворяща, сословныя квалификаціи стали затѣмъ постепенно нормировать составъ сложныхъ территориальныхъ частей-волостей, повѣтовъ, земель и пр. Въ то время, какъ волости, ключи или тивунства, по своему составу, становятся исключительно крестьянскими, повѣты и земли-воеводства болѣе и болѣе втягиваются въ сферу интересовъ господствующей шляхты, въ результатѣ превращаются въ административныя районы съ основнымъ шляхетскимъ характеромъ. Наконецъ, „шляхетскимъ“ становится и само государство, именно въ послѣдней фазѣ его развитія—въ формѣ „Речи Посполитой“, окончательно образовавшейся съ Люблинской униі.

Остановимся прежде всего на коренной модификаціи общаго понятія государства въ отношеніи къ его территориальному составу. Рядомъ съ „князствомъ“, „панствомъ“, „землей“, „державой“, упоминается въ источникахъ литовско-русскихъ также „Речь Посполитая“ первоначально въ такомъ же общемъ значеніи, какъ и Литовское княжество. Сколько намъ извѣстно, терминъ „Речь Посполитая“

¹⁾ „Królowie nie są tylko pierwazi Rzeczy Pospolitej urzędnici“ (Wielhórski, стр. 226). Возвращеніе это впервые высказывается уже въ актѣ Люблинской униі, при томъ самымъ же творцомъ ея, королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, называющимъ въ этомъ актѣ королевскій постъ „urzędem królewskim“. (Vol. leg., II, стр. 775).

встрѣчается гораздо раньше Люблинской уніи, уже въ актахъ начала XVI вѣка ¹⁾). Квалификація государства, въ смыслѣ „Речи Посполитой“, принадлежитъ административно-законодательной практикѣ собственно Польши. Съ образованіемъ политическихъ прерогативъ польской шляхты, подъ общій титулъ „Речи Посполитой“ ²⁾ стали подводиться понятія „республики“ и самой шляхты, съ ея державнымъ „*jus terrestre*“ и „*jus ducale*“, обнимавшемъ въ концѣ концовъ все функціи государственной власти. Въ послѣднемъ смыслѣ „Речь Посполитая“ отбѣняется иногда эпитетомъ „земская“ или, что то-же, шляхетская,—квалификація, которая стала усвояться и въ литовско-русскихъ актахъ еще при Сигизмундѣ I ³⁾). Полное отождествленіе „шляхетскаго народа“ съ „Речью Посполитой“ категорически формулируется въ привилеяхъ 1563—1565 гг., предшествовавшихъ изданію Литовскаго статута 1566 г. и окончательно санкціонировавшихъ политическія прерогативы рыцерскаго и шляхетскаго народу речи посполитое того панства“, то-есть, великаго княжества Литовскаго ⁴⁾).

¹⁾ Въ листѣ Сигизмунда I, 1511 г., о созывѣ генеральнаго сейма, между прочимъ, читаемъ: „Чому жъ выдѣлося его милости для таковыхъ великихъ справъ речи посполитое, отчяны с. м., великаго князства литовскаго, здѣханью въ милъ рокъ положить“ и пр. (*Бершадскій*, стр. 899).

²⁾ „Речь Посполитая“—буквальный переводъ „*republica*“. „Речь“ означаетъ не слово или рѣчь, но латинское гез—вещь, предметъ, дѣло, дѣйствіе.

³⁾ Въ посланіи литовской радѣ 1524 г., король Сигизмундъ предлагаетъ, между прочимъ, изыскать источники для уплаты жалованья войску и, указавъ на скудость наличныхъ скарбовыхъ доходовъ, замѣчаетъ: „мы тыхъ доходовъ нашихъ къ нашимъ рукамъ на свои потребности ничего не брали, кроме посполитое речи земское“ (*Бершадскій*, 1887).

⁴⁾ Такимъ образомъ, привилей 1563 г. предоставляетъ „станамъ и народамъ шляхетскимъ Речи Посполитое“ („стану рыцерскаго и шляхетскаго обою народу, якъ литовскаго, такъ и русскаго“) пользоваться шляхетскими вольностями, безъ прежнихъ вѣтросповѣднихъ различій. Привилей 1564 г.—объ учрежденіи выборныхъ (изъ шляхты) земскихъ судовъ—мотивируетъ эту мѣру потребамъ „Речи посполитое того панства“ (Литовскаго государства),—тѣмъ, что военныя и иные врандныя земскіе „милуучя Речь Посполитую, а въ ней братью зо всеми владностями свою молодшую народъ шляхетскій а рыцерскій“, отказались („отступили и выреклись“) отъ старой своей „владности и всадныхъ пожитковъ своихъ судовыхъ“, въ пользу вновь учреждавшихся, шляхетскихъ земскихъ судовъ. Наконецъ, въ привилей 1565 г. учрежденіе повѣтовыхъ сеймиковъ и посольской казны вальнаго сейма мотивируется „потребамъ Речи Посполитой“, то-есть, тѣхъ же становъ шляхетскаго народа (Временникъ Московскаго Общества исторіи и древности, кн. 23, Статутъ 1566 г., стр. 1—18).

Такой же собственно составъ и значеніе имѣеть, наконецъ, и та „jedna spólna Rzeczpospolita“, которая по люблинскому акту польско-литовской уніи 1569 г. связала и сплотила „w jeden lud“ два государства (państwa) и народы ¹⁾,—составъ, удерживавшійся въ „Речи Посполитой“ до послѣднихъ дней ея политическаго бытія.

Проф. Ф. И. Леонтовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ привилеѣ уніи Лявы съ Польшей 1569 г., составъ Речи Посполитой опредѣляется въ такой формулѣ: „Korona Polska y W. K. Litewskie jest iedno nierozdzielne, y nierozne ciążo, a także nierozna, ale iedna spolna Rzecz pospolita, która sie ze dwu państw y narodów w jeden lud zniosła y spoila“. (Vol. leg., II, 89).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССС.

1895.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
О. П. Леонтовичъ. Ословный типъ территориально-административнаго состава литовскаго государства и его причины (окончаніе)	1
Д. В. Айпаловъ. Мозаики IV и V вѣковъ (окончаніе)	21
А. П. Нечасовъ. Объ отношеніи Крылова къ наукѣ	72
П. Д. Драгановъ. Международное значеніе Крылова и новыя свѣдѣнія о переводахъ его басенъ на иностранныя языки и нарѣчія	85
А. М. Ону. Изданія текстовъ по новой исторіи	116
Ө. П. Делекторскій. Критико-библіографическій обзоръ древнерусскихъ сказаній о флорентійской униі	131

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. П. Соболевскій. Очерки изъ литературной исторіи Синодика. <i>Е. В. Пятусова</i> . С.-Пб. 1895.	185
В. О. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XVIII, XIX и XX. Тифлисъ. 1893.	193
М. К. Любавскій. Начальная исторія малорусскаго козачества.— Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго. <i>И. Каминна</i>	217
В. В. Синовскій. Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1894. <i>Ивана Козловскаго</i>	244
С. К. Вулицъ. Замѣчанія на „Замѣтки по славянской грамматикѣ“ проф. Соболевскаго	253
— Книжныя новости	258
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Императорское Русское Археологическое общество въ 1894 году	1
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	7
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Н. Н. Вулицъ (некролюъ)	18
— Д. А. Ровинскій (некролюъ)	20

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Г. Мищенко. Къ Полюбію (продолженіе)	1
Georgius Schmid De Aristoph. vv. 1105 sqq.	7
G. Saenger. Альбухара. (Откъ Мицковича, переводъ на латинскій).	9
А. І. Маленнъ. Марціалъ и Лукиллій, поэтъ греческой антологіи.	12

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-ю іюля).

СОСЛОВНЫЙ ТИПЪ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНАГО СОСТАВА ЛИТОВСКАГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ПРИЧИНЫ¹⁾.

Какъ при своемъ возникновеніи, такъ и въ послѣдніе моменты существованія, польско-литовская Речь Посполитая была „шляхетской“, „składa się z kilkukroć sto tysięcy obywatelów szlachty“²⁾. Отсюда понятно, почему изначала и до послѣднихъ дней Речь Посполитая была совершенно чуждой всему, въ чемъ проявлялась широкая идея національная. Польско-литовская „республика“ до конца осталась вѣрной слугой и представительницей сословно-шляхетской идеи, культивировала только эту идею, безъ всякой боязни, что будетъ далѣе: до этого близорукому, вельможному панству не было ни малѣйшаго дѣла. Лишь въ послѣдніе моменты предсмертной агоніи Речи Посполитой, когда роковымъ образомъ стали выходить наружу на ея „единомъ и нераздѣльномъ тѣлѣ“ всѣ результаты двухвѣковой культуры шляхетской идеи, лучшіе умы того времени, понимавшіе всю безнадежность и опасность положенія, обращаются, какъ къ якорю спасенія, къ такимъ вопросамъ „національной“ политики, какъ

¹⁾ *Окончаніе*. См. июньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Эта формула состава Речи Посполитой была высказана волынскимъ землемъ посломъ Стройновскимъ въ „вогѣ“ на сеймѣ 1789 г. (*Luszczewski*, Дуагуваз, II, ч. 2, стр. 191). Другой посолъ (Гулевичъ) точно также утверждалъ, что на вопросъ: „iaka w Polsce Rzecz rozpolita“, въ книжкахъ о Польшѣ „Znalazłem odpowiedz, że szlachecka“ (*ibid.*, 246).

нобилитація (uszlachtetnienie) разлагающагося мѣщанства ради промышленнаго подъема городовъ, „roliepszemie losu“ крѣпостнаго хлопства и т. д. Вотъ такихъ „націоналистовъ“ остаются, однако, глазомъ вопіющаго въ пустынѣ, трактуются истой шляхтой чуть ли не въ смыслѣ государственной измѣны Речи Посполитой.

Само собой разумѣется, что составъ отдѣльныхъ частей политическаго цѣлаго сложится въ такомъ же точно направленіи, какъ и составъ послѣдняго. Нобилитація государства неизбѣжнымъ образомъ должна была повлечь за собой также нобилитацію составныхъ его частей. Такимъ образомъ, уже въ актахъ 30-хъ годовъ XVI вѣка названіе „земли“ начинаетъ приурочиваться къ одной шляхтѣ¹⁾. Такой же шляхетскій характеръ получаютъ въ XVI вѣкѣ воеводства и повѣты, — „повѣтниками“ уже до Люблинской уніи считалась въ Литвѣ одна повѣтовая шляхта²⁾. И дѣйствительно, вся административная дѣятельность повѣтовъ и воеводствъ имѣетъ въ виду лишь одну шляхту; все здѣсь функционируетъ для нея одной, все вращается въ сферѣ ея интересовъ и никого больше. Областные соймы собираются изъ одной шляхты и ради ея сословныхъ дѣлъ, какъ и всѣ земскіе уряды отъ высшихъ и до низшихъ принадлежать той же шляхтѣ. Для не-шляхтича повѣтъ, земля и воеводство — только географическіе термны: тамъ нѣтъ для него ни правовой охраны, ни другихъ общественныхъ связей и интересовъ.

Основными элементами, на какіе разложилось государство, въ особенности со времени окончательной его „нобилитаціи“ въ составѣ Речи Посполитой, нужно считать *панскіе дворы-мастности, имѣнія, вотчины, экономіи* и пр. Какъ видно изъ актовъ, такіе дворы и дворцы, скопированные съ польскихъ образцовъ, появляются въ Литвѣ съ

¹⁾ Такое возрѣніе находимъ въ одномъ полоцкомъ актѣ 1533 г., гдѣ говорится о сеймѣ мѣстной шляхты. Воевода полоцкій, при разборѣ одного суднаго дѣла князей Соколинскихъ, постановилъ передать его на разсмотрѣніе сейма: „обѣмъ сторонамъ передъ нами у Полоцку стати по Ильинѣ дни въ тый день, а такъ маемъ со *всею землею обмовити*“ и пр. (*Любавскій*, „Областное дѣленіе“, стр. 872).

²⁾ Такимъ образомъ, въ описи Волынскихъ замковъ, 1545 г., къ „повѣтникамъ“ отнесены лишь мѣстные князья, паны и земляне (Zródła dz., VI, 20; Шамятники кievской коми., IV, отд. 2, стр. 41). На такой же составъ повѣтниковъ указываетъ и „попись Волынскихъ земель“, 1528 г. (Arch. Sang., III, стр. 823 и сл.).

конца XIV вѣка ¹⁾, то-есть, съ первыхъ же поръ, какъ только мѣстное боярство стало „уравниваться“ съ шляхтой польской, постепенно усвоить въ свою плоть и кровь созданный послѣдней, панскій *modus vivendi*. Подобно Польшѣ, на всемъ протяженіи государственной территоріи Литвы возникаютъ, одинъ за другимъ, дворы, дворцы и замки господарскіе, княжескіе (бывшихъ удѣльныхъ князей), старостинскіе (*królewszczyzna*, дававшіеся въ „державу“ старость-державцевъ) ²⁾, дворы духовныхъ бенефицій, дворы панскіе и вообще шляхетскіе и землянскіе ³⁾. Въ свою очередь и шляхта „околичная“ (непривилегированная) выдѣляется въ свои особые дворы, дворища и околицы ⁴⁾.

Дворъ имѣлъ нѣсколько значеній. Это прежде всего резиденція литовскаго госнодара ⁵⁾, старая княжья дружина, позднѣйшіе дворяне ⁶⁾, затѣмъ мѣсто суда и наряда князя и его мужей—намѣстниковъ, просто мѣстный урядъ ⁷⁾. Въ такомъ же смыслѣ, не только

¹⁾ См. *Бершадскій*, 20, 79, 88, 135 и др. Архивъ З. Р. I, № 56, 103; III, № 59, п. 25 (о дворахъ въ Жмуди при Витовтѣ).

²⁾ Бывшія господарскія мѣстна—староства и державства, послѣ Люблинской уніи, превратились въ простыя шляхетскія маентности (см. *Владимірскій-Будажскій*, „Населеніе Юго-западной Россіи“, 59; *Незабитовскій*, „Собраніе сочиненій“, 314 и слѣд.).

³⁾ О *господарскихъ дворахъ* см. *Бершадскій*, 88, 112, 167 и пр. О *княжескихъ дворахъ* Архивъ В. К., XIV, стр. 199, 463, 474; Архивъ Ю. З. Р., VI, I, 161, 244 и пр.—О *старостинскихъ дворахъ*: Архивъ В. К., XIV, 24, 551; Писцовыя книги Пинскаго староства. О *дворахъ дух. бенеф.*: Археологическій сборникъ, I, № 18, 59, 78; Архивъ В. К., XIV, 157, 281, 389; Архивъ Ю. З. Р., VI, I, 488. О *дворахъ шляхетскихъ*—*Бершадскій*, 135, 260, 1080 и пр.; Архивъ В. К., XIV, 5, 20, 77, 445 и пр.; Архивъ Ю. З. Р., VI, I, 6, 92; Археологическій сборникъ, I, № 18. Литовскій статутъ 1529, VI, 4,—VIII, 23 и т. д.

⁴⁾ *В. Антоновичъ*—Архивъ Ю. З. Р. VI, I—объ околичной шляхтѣ; *Грушевскій*, Барское староство, 261; Архивъ В. К., XIV, 230; *Arch. Sang.*, III, № 100 обь „околичныхъ боярахъ“). Обь околичной шляхтѣ Польши, ея *zagrodach* и *колицахъ* см. *Zródła dz.*, XII, стр. 18, 104, 106, 270—275; XIV, 27, 85.

⁵⁾ *Skarb.*, № 131, 180. Литовскій статутъ 1566, IV, 18; статутъ 1588, I, 9, 10.

⁶⁾ Архивъ З. Р., I, № 37. Литовскій статутъ 1529, II, 5, 6; Статутъ 1566, I, 12,—VI, 14; Статутъ 1588, II, 11, 22.

⁷⁾ Архивъ З. Р., II, № 123. *Skarb.*, № 2296. Судеб. Казимира 1468, ст. 2 и 23. Литовскій статутъ 1529, VI, 14,—XIII, 21, 28. Статутъ 1566, XI, 31—XIV, 1, 2, 19; статутъ 1588, XI, 26, XIV, 1, 3 и пр.

резиденціи, усадьбы, но и уряда, упоминаются въ источникахъ, рядомъ съ дворами господарскими или королевскими, также дворы—вряды князскіе, панскіе и землянскіе ¹⁾). Тѣ же самые дворы господарскіе, князскіе, панскіе, шляхетскіе и пр. составляютъ предметъ данины, заставы, описей и инвентарей. Здѣсь уже рѣчь идетъ о специальномъ понятіи двора, вовсе неизвѣстномъ въ восточно-русскихъ земляхъ и возникшемъ въ литовскомъ государствѣ подъ несомнѣннымъ польско-нѣмецкимъ вліяніемъ. Въ этомъ новомъ понятіи дворъ отождествляется съ маетностью, имѣніемъ, экономіей и пр. Только въ виду такого значенія двора становятся понятными данныя актовъ, напримѣръ, о томъ что „во дворѣ“ панскомъ „збудовать“ городъ или заведена осада „мѣста“ съ торгами, ярмарками и пр. ²⁾). Въ жалованныхъ грамотахъ на дворы и дворцы, какъ и въ инвентаряхъ, нерѣдко обозначаются границы дворцовъ, земли пашныя и бортныя и другія угодья, какъ и во всякомъ имѣніи ³⁾), при чемъ дворы иногда прямо отождествляются съ имѣніями и маетностями ⁴⁾).

Эти-то дворы - маетности представляли собой крайніе рубежи Речи Посполитой. Владѣльцы дворовъ составляли изъ себя земли, повѣты и воеводства, изъ какихъ слагалась шляхетская „республика“, съ ея областными соймами, сеймиками и земскими урядами, функционировавшими на почвѣ „земскаго или посполитаго“ права шляхты. Иное царство начинается внутри дворовъ - маетностей: здѣсь практикуется, внѣ всякаго вліянія Речи Посполитой, безраздѣльное и безпредѣльное „панство“ шляхтича - землевладѣльца, съ его независимымъ ни отъ кого господствомъ надъ „прислухавшими“ къ его двору подданными. И здѣсь, какъ и въ составѣ Речи Посполитой, развивается группировка подданныхъ въ отдѣльные районы, тянущіе къ дворамъ: повѣты ⁵⁾)—волости, пути, ключи (ключничества),

¹⁾ Литовскій статутъ 1529, XIII, 28; статутъ 1566, XIV, 22; статутъ 1588, XIV, 24.

²⁾ *Бершадскій*, 1030—1033.

³⁾ Обозначеніе границъ дворовъ съ землями, приселками и пр. находимъ, напримѣръ, въ привилеѣ 1501 г., князю Ивану Глинскому на дворѣ Вейсей въ Переломскомъ повѣтѣ (Литовская метрика, V, 289) или въ привилеѣ 1506 г. пану Юревичу на дворѣ Олита (*ibid.*, XXV, 195).

⁴⁾ Архивъ В. К., XIV, стр. 185, 354, 492.

⁵⁾ Выше приведены изъ Литовской метрики два акта конца XV и начала XVI вѣка, гдѣ рѣчь идетъ о „повѣтахъ“ дворовъ Мартиновскаго и Высокаго. (Литовская метрика, кн. VI, л. 85 и 47; кн. XXVI, 204).

тивунства, парафіи и пр. ¹⁾). Къ дворамъ съ ихъ повѣтами-волостами „прислушаютъ“ мѣста ²⁾, мѣстечки и сельскія общины съ мелкими поселками—дымами (подымьями), дворищами, службами, потугами, тяглями и т. д. ³⁾).

¹⁾ Парафія (parochja)—собственно церковный приходъ. Въ Подляхѣ такъ называлась и волость въ общемъ, административномъ значеніи (См. *Бершадскій*, 1562 и сл. Археологическій сборникъ, I, стр. 281. Skarb., № 1212 (парафіи въ Жмуди). Копія Литовской метрики, VI, 521 (подъ 1503 г.—парафіи Витебскаго костела). Ср. *Czerzki*, Opisanie Żmójdzkiej dyceezji, 1830. О волости, пути, ключѣ и пр. см. *Любавскій* „Областное дѣленіе“.

²⁾ Послѣ Люблинской униі магдебургіи потеряли значеніе общинъ, стоявшихъ въ всякой зависимости отъ мѣстной власти, подчинились хозяйственной администраціи мѣстностей экономическихъ (столовыхъ), старостинскихъ, шляхетскихъ и пр. (см. *Владимірскій-Будиновъ*, Пѣмецкое право, 269—270. В. Антоновичъ—Архивъ Ю. З. Р., V, I, 54 и сл.).

³⁾ Мелкіе поселки, имѣвшие значеніе то составныхъ частей селъ, то совершенно самостоятельныхъ хуторовъ, упоминаются въ актахъ подъ крайне разнообразными названіями. Кромѣ общезвѣстныхъ службъ, дворищъ, земель и полокъ, находимъ въ актахъ слѣдующій длинный рядъ наименованій сельскихъ поселковъ:

Дымъ: *Бершадскій*, 182, 901, 960, 1334, 1374. *Подымье*: *ibid.*, 506—508, 1373—1381. Археологическій сборникъ, II, № 97. Архивъ Ю. З. Р. VI, I, 223 и сл.—Архивъ В. К., XIV, № 58. Копія Литовской метрики, V, 229, 301—302. Замѣтимъ, что дымъ на Руси истарѣ считался единицей податнаго обложенія (П. С. Л., I, 7, 8, 235; ср. А. А. Э., I, № 136). Государственная подать съ дымовъ существовала въ Польшѣ и Литвѣ до 1768 г. (Vol. leg., VII, 222, 333, 487, 509). *Домъ*: *Бершадскій*, 87, 1374. Архивъ В. К., XIV, № 58.—*Подворье*: *Бершадскій*, 1153, 1375. Архивъ В. К., XIV, № 78.—*Потугъ*: *Бершадскій*, 459. Копія Литовской метрики, V, 63 (1495 г. въ Новогородскомъ повѣтѣ) и 235 (1499 г.—въ Киевщинѣ).—*Тяль*: *Любавскій*, Областное дѣленіе, приложение № 2.—*Поле, поля, пашня, кирунтъ*: Skarb., № 352. *Бершадскій*, 143—144. Архивъ В. К., XIV, № 69, 98. Архивъ Ю. З. Р., VII, II, стр. 345. Писцовыя книги Пинск. и Блѣц. княжествъ, 490, 505.—*Слѣдъ*: *Бершадскій*, 85, 104, 107, 140, 158 и др. Skarb., № 628, 1894, Археологическій сборникъ, II, № 1, 3. Архивъ Ю. З. Р., I, № 117 и др.—*Семля, семьшица, племя*: *Бершадскій*, 89, 102, 114, 198 и др. Антоновичъ, Грамоты, № 10.—*Стопка (стпка, подоль), весполка*: Ревизія пущъ, 165, 166. *Грушевскій*, Барское староство, 202, 204, 211, 221, 258, 304.—*Сводка*: *Бершадскій*, 121.—*Мѣстность, имѣніе*: Архивъ Ю. З. Р. VI, I, № 47. Ревизія пущъ, 254. *Отчина, вотчина, вутчина*: *Бершадскій*, 822, 876, 1028 и др. Ревизія пущъ, 107. Zródła dz., VI, стр. XVII. Архивъ З. Р., I, № 173. Археологическій сборникъ, III, № 5. Arch. Sang., III, № 16 и пр.—*Жеребій*: *Бершадскій*, 194, 720.—722, 859—860, 874, 955, 976 и пр. Ревизія пущъ, 168, 170, 240, 416, 483. Архивъ З. Р., I, № 71. Памятники, II, отд. 2, стр. 25, 34 и др. *Часть (пол. вога), доля, дѣльница, дѣльница, дѣленца, долница*: *Бершадскій*, 121, 151, 103, 463. Ревизія

Если „Речь Посполитая“, съ ея повѣтами, землями и воеводствами, является плодомъ новыхъ условій политической жизни государства, главнымъ образомъ, со времени его „нобилитаціи“ на почвѣ польско-литовской униі, то едва ли можетъ быть сомнѣніе въ генетической связи „дворовъ-маетностей“ со старой системой княжескихъ удѣловъ, слагавшихся также изъ повѣтовъ-волостей, тивунствъ и пр. Потерявъ прежній княжескій характеръ, система эта восприняла въ себя всю массу земскихъ имѣній шляхты, сама превратилась въ систему панскихъ маетностей по старому началу „господарства“ бывшихъ владѣтельныхъ князей, съ существенной надбавкой къ нему „вѣчнаго права“ пановъ-землевладѣльцевъ на подданныхъ, „прислухавшихъ“ къ ихъ дворамъ-маетностямъ.

Въ основѣ всей этой сложной конструкціи государства лежитъ послѣдовательно проведенный принципъ дуализма, совмѣстнаго существованія двухъ, въ корнѣ противоположныхъ, политическихъ системъ — „республики“ самой шляхты и „господарства“ тѣхъ же пановъ-землевладѣльцевъ надъ „подданными“, тянувшими къ панскимъ дворамъ. На верхахъ государства, въ собственной „Речи Посполитой“, взаимныя отношенія отдѣльныхъ ея членовъ опредѣляются по

пуць, 138, 141, 209, 232.—*Сельцо, wiołko, wioska: Бершадскій*, 84, 199. Архивъ В. К., XIV, 446, 542. Копія Литовской метрики, V, 303, 309 и пр. *Селище: Бершадскій*, 6, 57, 86 и др. Skarb., № 352. Архивъ З. Р., I, № 55 и др.—*Приселокъ: Бершадскій*, 57, 187, 215, 720, 722. Skarb., № 1890, 1952. Arch. Sang., III, № 38. Архивъ З. Р., I, № 36, 53. Архивъ Ю. З. Р., VI, I, 45, 161.—*Выселокъ: Архивъ Ю. З. Р., VIII, I, № 28, 33, 121.—Персыдина: Археологическій сборникъ*, II, № 12.—*Переделье: ibid.*, IV, № 1, 2.—*Поселница: ibid.*, I, № 59.—*Осѣдность: Ревизія пуць*, 135, 136, 141, 151.—*Селидба: Археологическій сборникъ*, I, 208.—*Мѣсто: Бершадскій*, 156, 166, 199, 200. Arch. Sang., III, № 76.—*Дереволя: Архивъ В. К., XIV, стр. 412 (1597 г.—въ Полоцкой землѣ). Урочище: Архивъ Ю. З. Р., VIII, I, № 12, 13. Архивъ В. К., XIV, стр. 391. Ревизія пуць*, 170.—*Кутокъ: Грушевскій*, Барское староство, 188, 193, 195—198.—*Обруць („албо село“). Археологическій сборникъ*, I, стр. 23, 187, 188; III, 248, 250 и пр.—*Хуторъ (futor): Архивъ Ю. З. Р., V, I, № 223; VIII, I, № 97. Памятники*, IV, отд. 2, стр. 159. *Антоновичъ*, Моногр., I, 140 и сл. *Грушевскій*, Барское староство, 224.—*Станъ (або уходъ), становище: Архивъ Ю. З. Р., V, I, стр. 84—85. Археологическій сборникъ*, I, 17. Ревизія пуць, 163, 164.—*Паська: Архивъ Ю. З. Р., V, I, стр. 70, 85, 532; VII, I, 20, 98, 103; VIII, I, № 1, 3, II, 87, 72, 121.—Займище: Архивъ Ю. З. Р., V, I, 7. Arch. Sang., III, № 17. 23. Грушевскій*, Барское староство, 208, 241.—*Розробка, роспанъ: Археологическій сборникъ*, III, 247, 251; VII, 6. Копія Литовской метрики, V, 213 (1499—въ пуцахъ „на роспанъ люди наши сидять“).

началамъ „братства“¹⁾, единенія и полнаго равноправія, безъ всякаго взаимнаго подчиненія, какъ и виѣ зависимости отъ какой бы то ни было высшей власти, стоявшей надъ шляхтой. Въ иной роли, съ иными правомочіями, является тотъ же самый панъ въ своемъ замкѣ-дворѣ, среди своей державы-маетности. Въ отношеніи къ своимъ „подданнымъ“ онъ не простой крѣпостникъ-помѣщикъ, на манеръ бывшаго русскаго барина, и не американскій плантаторъ-рабовладѣлецъ. Баринъ и плантаторъ не облакали своихъ рабовладѣльческихъ правъ въ мантию „господарства“, суверенности, какъ это именно имѣло мѣсто въ польско-литовской Речи Посполитой. Въ своей маетности панъ является собственно реставрированнымъ на польскій ладъ владѣтельнымъ, удѣльнымъ княземъ. Удѣльная рознь, какъ мы знаемъ, не исчезала въ литовскомъ государствѣ до и послѣ Люблинской уніи, обосновавшей переходъ государственной власти въ руки шляхетства. „Если въ старое время верховная власть разбивалась въ литовской Руси между князьями великими и удѣльными, то теперь, съ послѣдней четверти XVI столѣтія, она расплзается по всѣмъ шляхетскимъ маетностямъ и замкамъ“²⁾.

Система политическаго дуализма установилась въ польско-литовской Речи Посполитой, во всякомъ случаѣ, не безъ значительной разницы между господаремъ стараго и новаго типа. Бывшій удѣльный князь, кромѣ покоры литовскому господарю, если не *de jure*, то *de facto*, слѣдовалъ, подобно послѣднему, опредѣленіямъ народной „пошлины“ въ лицѣ ея вѣщателей — „вѣрныхъ“ пановъ радныхъ, а мѣстами и земскаго вѣча. Никакихъ пошлинь, радъ и вѣчь не знаетъ и не терпитъ въ своей маетности вельможный панъ: „*radam do póg*“ — формула безусловной покоры, обязательной для всякаго „подданнаго“ панской маетности, — покоры, получившей для послѣдняго значеніе „государственнаго подданства“, а не одного послушанія помѣщичьей власти, „вѣчному праву“ землевладѣльца³⁾.

¹⁾ Принципъ такого братства извѣстенъ уже Городел. привилею 1418 года, по которому польская шляхта принимаетъ въ свой составъ литовскіе шляхетскіе роды „*ad fraternitatis et consanguinitatis consortia*“ (см. Zbior pr. lit., 17).

²⁾ См. мои „Очерки исторіи литовско-русскаго права“, 35.

³⁾ Съ первыхъ же земскихъ привилеевъ 1434 и 1457 годовъ, предоставившихъ, какъ мы знаемъ, шляхтѣ *jus fusciale* на все населеніе панскихъ маетностей, и окончательно съ Люблинской уніи обрывается прямое „подданство“ зависимаго хлопча литовскому господарю. Единственнымъ господаремъ для хлопа является владѣлецъ панской маетности; король, шляхетскій „урядникъ“, не имѣетъ ни малѣйшаго права на бывшее „подданство“ хлопскаго населенія государства.

Не стѣсняемый, такимъ образомъ, ни покорой народной пошлнѣ, ни бывшей властью господаря, польско-литовскій панъ въ своемъ дворѣ-маетности занялъ позицію куда выше и сильнѣе бывшихъ князей великихъ и удѣльныхъ. Онъ скопилъ въ своихъ рукахъ плоды вѣковой энергіи и усилій шляхты,—такую силу и мощь полнѣйшаго самовластія и „*możnowładstwa*“, какими и приблизительно не пользовались ни старыиъ господарь, ни тѣмъ менѣе позднѣйшій король, первый „урядникъ“ Речи Посполитой. Самовластіе это было прямымъ и неизбѣжнымъ результатомъ сосредоточенія въ рукахъ владѣльца панскаго двора съ тянувшими къ нему подданными — и шляхетскаго господарства. и помѣщичьяго „вѣчнаго права“ на зависимое хлопство. Всякій шагъ пана въ сферѣ этого послѣдняго права не только не встрѣчалъ ни въ чемъ и ни въ комъ никакой сдержки, но и всегда находилъ для себя твердую санкцію и охрану въ панскомъ, суверенномъ „господствѣ“. Въ этомъ именно пунктѣ, то-есть, совпаденіи правъ господаря и помѣщика, кроется корень различія между старымъ удѣльнымъ княземъ и прямымъ его преемникомъ—польско-литовскимъ, вельможнымъ паномъ. Если, затѣмъ, съ панскимъ господарствомъ-крѣпостничествомъ, этими низинами-устоями Речи Посполитой, сопоставимъ ея верхи—„республику“ шляхетскаго „народа“, съ строго аристократическимъ строемъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. то для насъ станетъ вполне понятнымъ органическій порокъ Речи Посполитой: принципиально-узкій, сословный эгоизмъ, полнѣйшая отрѣшенность отъ жизни народной. — одна изъ причинъ шаткости и валкости двухвѣковой исторіи Речи Посполитой. Она не смогла, въ концѣ концовъ, свести счеты съ взятой ею на себя культурой сословно-шляхетской идеи, претворить ее въ культуру болѣе широкихъ и плодотворныхъ началъ—національныхъ и общечеловѣческихъ. Органическій порокъ Речи Посполитой роковымъ образомъ отразился на ея судьбахъ: исторія не сохранила за ней права на политическую долговѣчность...

Въ дополненіе къ настоящей статьѣ считаю умѣстнымъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ отвѣтъ на замѣтки г. Любавскаго, какими онъ удостоилъ мои „Очерки исторіи литовско-русскаго права“¹⁾. Въ

¹⁾ Въ статьѣ: „Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ литовско-русскомъ государствѣ“, помѣщенной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894 года, августъ.

своей книгѣ я касаюсь мимоходомъ нѣсколькихъ положеній, развѣ-
тыхъ въ трудѣ г. Любавскаго объ областномъ дѣленіи и мѣстномъ
управленіи, — на примѣръ, положеній объ инкорпорации Черной Руси
съ Литвой, о федеративномъ строѣ литовско-русскаго государства, о
главенствѣ Кіевскаго воеводы и Луцкаго старосты, объ уступкѣ за-
падной Подоліи Витовтомъ королю Владиславу-Ягеллѣ въ смыслѣ
чисто личной ихъ сдѣлки, безъ измѣненія въ „государственно-право-
вомъ“ положеніи Подоліи и т. д. ¹⁾). Въ своей статьѣ г. Любавскій
и имѣлъ въ виду „отблагодарить“ меня за вниманіе, оказанное мной
его труду. „Этимъ онъ нравственно обязалъ меня съ полною внима-
тельностью отнестись къ его труду, родственному съ моимъ, и разо-
браться въ его результатахъ. Хотя мои замѣтки будутъ носить
преимущественно критическій характеръ, тѣмъ не менѣе я считаю
ихъ достойною формою благодарности... Пользуюсь случаемъ, чтобы
разяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, возникшія у г. Леонтовича по
поводу разныхъ мѣстъ моей книги“.

Остановлюсь прежде всего на „недоразумѣніяхъ“. Г. Любавскій
даетъ въ своихъ замѣткахъ разясненіе лишь по одному вопросу—о
главенствѣ Кіевскаго воеводы и Луцкаго старосты, и оставилъ безъ
всякаго отвѣта и разясненія недоразумѣнія по другимъ вопросамъ.
Не соглашаясь съ положеніемъ г. Любавскаго о „главенствѣ“ воеводы
и старосты и о подчиненіи ихъ суду шляхты, я ставлю въ своей
книгѣ на видъ: 1) начало подсудности шляхты господарю; 2) воз-
зрѣніе древне-русскаго права, удерживавшееся и въ правѣ литов-
скомъ, о посредническомъ характерѣ суда и наряда,—воззрѣніе, вы-
разившееся въ развитіи институтовъ полюбовнаго суда и суда по
„приказу“ господаря, 3) отсутствіе въ древнемъ русскомъ и литов-
скомъ правѣ системы инстанцій; 4) судебно-административную обо-
собленность „грамотчиковъ“; 5) случаи разсмотрѣнія дѣлъ на Воляни,
съ первенствомъ не Луцкаго старосты, а, на примѣръ, намѣстника
Кременецкаго (актъ 1475 года).

Отвѣтъ г. Любавскаго по вопросу о шляхетской подсудности мало
цать удовлетворилъ. „Справедливо, что князьямъ, боярамъ—шляхтѣ
и землямъ *не запрещено было* судиться прямо у господаря, минуя
мѣстныхъ правителей, но и то съ нѣкоторыми ограниченіями, напри-
мѣръ, въ земляхъ Полоцкой, Витебской и Жмудьской“ (стр. 392).

¹⁾ См. мои „Очерки“, стр. 78—81, 86, 91, 169, 176—179, 187—193, 195,
218, 230, 314—315, 377—383.

Но въ нашемъ спорѣ рѣчь идетъ не объ этихъ земляхъ, а о Киевской и Волынской, въ привилеяхъ же этихъ двухъ земель говорится не о дозволеніи шляхтѣ обращаться къ господарскому суду, а именно о томъ, что судъ по всякимъ „винамъ“ шляхты принадлежитъ одному господарю. Начало это особенно рѣзко выражено въ Волынскихъ привилеяхъ 1501 и 1509 годовъ. По этимъ привилеямъ, если князь, панъ или землянинъ въ чемъ либо „провинится“, староста не судить, а долженъ „обослать“ господаря, который листомъ или посломъ своимъ даетъ старостѣ „науку“, какъ поступить съ виновнымъ ¹⁾. Смыслъ статьи, кажется, вполнѣ ясенъ: истолковать положеніе Волынскихъ привилеевъ въ смыслѣ „самостоятельности“ и „обязательности“ суда старосты въ отношеніи къ князьямъ и землянамъ, на нашъ взглядъ, нѣтъ никакой возможности. Князья и земляне могли сами обращаться къ суду старосты или намѣстниковъ; но и „стоячи у правѣ передъ старостою або передъ намѣстники нашими“, имъ принадлежало право во всякое время „отзываться“ на судъ господарскій ²⁾. Тѣ же самыя положенія развиты и въ Киевскомъ привилеѣ 1507 года ³⁾. Лишь въ томъ случаѣ, когда „отозвавшись“ на господаря, кто либо не явится на господарскій судъ, „отволокая правомъ“, воевода уполномочивается Киевскимъ привилеемъ привлечь его къ своему суду, безъ новаго „отзыванья“ на господаря. Эта-то статья и приводится г. Любавскимъ въ подтвержденіе положенія объ „обязанности“ шляхты подчиняться суду воеводы (стр. 392). Но вѣдь подчиненіе это обусловлено лишь неявкой на судъ господарскій: развѣ можетъ быть здѣсь рѣчь объ общей, обязательной подсудности шляхты суду воеводскому? Считая „миражемъ“ высказанное мной положеніе о судѣ воеводы по господарскому „приказанью“ („наукѣ“ Волынскихъ привилеевъ), г. Любавскій ссылается на свою книгу, гдѣ собраны указанія на то, что воеводы и старосты судили князей, бояръ - шляхту *ex officio*, а не по порученіямъ только господаря. Можно собрать вдвое-втрое больше данныхъ и все-таки ничего не доказать. Разъ судъ воеводы или старосты считался для шляхты обязательнымъ присудомъ, не было бы надобности и въ господарскомъ „приказаньи“ и „наукѣ“: существованіе приказа именно указываетъ на несамостоятельный характеръ воеводскаго суда по отношенію къ мѣстной шляхтѣ. Въ „Очеркахъ“

¹⁾ А. Ю. З. Р., I, № 36; А. З. Р., II, № 54.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ А. З. Р., II, № 30.

(стр. 190) сдѣлано указаніе на аналогію въ развитіи административныхъ порядковъ Литовской и Московской Руси: тамъ и здѣсь удерживалась административная обособленность „грамотчиковъ“—крупныхъ землевладѣльцевъ, подчинявшихся непосредственному суду князя. Обособленность эта приняла въ Литовской Руси (особенно съ земскаго привилея 1492 года) ¹⁾ польскую форму сословной, шляхетской привилегіи, опредѣлявшейся не только земскими и областными привилеями, но и частными пожалованіями отдѣльнымъ лицамъ ²⁾. Какъ замѣчено выше, съ половины XVI вѣка (собственно съ Люблинской униі) шляхетскимъ присудомъ является „вальный“ сеймъ Речи Посполитой (позже трибуналъ) и „земскіе уряды“, организованные по образцу польскихъ шляхетскихъ судовъ въ областяхъ.

Отстаивая свою гипотезу о старшинствѣ старосты луцкаго среди урядниковъ земли Волинской, г. Любавскій, въ своей критической статьѣ (стр. 392 — 394), старается умалить значеніе указаннаго мною акта 1475 г., въ которомъ записанъ случай разбирательства дѣла, съ первенствомъ при этомъ кременецкаго намѣстника, а не старосты луцкаго ³⁾. Пославши на мой счетъ упрекъ въ невнимательномъ чтеніи актовъ и желаніи „бросить тѣнь на научную правоспособность“ г. Любавскаго, послѣдній ставитъ вопросъ: „откуда онъ взялъ, что *намѣстникъ кременецкій* имѣлъ первенство на судѣ 1475 г.? Въ актѣ по этому суду на первомъ мѣстѣ поставленъ князь Александръ Сангушковичъ, а за нимъ уже слѣдуетъ староста луцкій... Но былъ ли князь Александръ Сангушковичъ въ 1475 г. намѣстникомъ кременецкимъ, неизвѣстно, скорѣе всего, что не былъ, такъ какъ ни въ этой грамотѣ, ни въ слѣдующей онъ не записанъ таковыми. Намѣстникомъ кременецкимъ, сколько намъ извѣстно по актамъ, онъ упоминается впервые только въ 1489 г.“ (дальше слѣдуетъ ссылка на Литовскую метрику). Въ томъ-то и вся бѣда, что плохо и невнимательно читаются давно извѣстные въ печати акты не мной, а моимъ почтеннымъ критикомъ. Прошу г. Любавскаго

¹⁾ См. мои „Источники литовско-русскаго права“, 32.

²⁾ Выше приведено изъ Литовской метрики указаніе на даннуну въ 1500 году Гендриху Шлагеру имѣнія, съ правомъ судить и рядить крестьянъ безъ вмѣшательства воеводы и съ подчиненіемъ самого владѣльца непосредственному суду господара („а до него до самого кому бы которое дѣло было, ино мы сами господаръ маемъ его въ тымъ смотрѣти“). Подобную даннуну, конечно, нельзя считать единичнымъ случаемъ.

³⁾ См. „Очерки“, стр. 192.

раскрыть „Архивъ Сангушковъ“, томъ I, стр. 64, и т. III, стр. 22: тамъ онъ найдетъ категорическое указаніе на то, чѣмъ я руководился, называя князя Александра Сангушковича намѣстникомъ кременецкимъ. Вотъ акты, относящіеся къ нашему вопросу:

Актъ 1469 г.: „Се мы панове Цеценевъскыи... продали есмо отчину свою и дѣднину кн(я)зю Александру Сангушковичю, *старость Кременецкому*. на имя Новосельци“ (Arch. Sangusz. I, 64).

Актъ 1489 г. (тотъ же, что и у Любавскаго—изъ Литовской метрики): „*Намѣстнику Кременецкому*. князю Александру Сангушковичю, .к. копъ грошей зъ мыта Луцкого“ (ibid., III, 22).

Полагаю, что г. Любавскій не будетъ настаивать на томъ, что староста кременецкій не тождественъ съ намѣстникомъ кременецкимъ, и что въ теченіе всего промежутка времени между 1469 и 1489 гг. князь Александръ Сангушковичъ не могъ управлять Кременцомъ. Г. Любавскій полагаетъ, что въ грамотѣ 1475 г. князь Сангушковичъ „поименованъ первымъ, повидимому, въ уваженіе къ его княжескому титулу или къ тому мѣсту, которое онъ занималъ въ радѣ господаря, великаго князя“ (стр. 394). Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ важенъ самый фактъ первенства не старосты луцкого, а другаго лица,—фактъ, несомнѣнно идущій въ разрѣзъ съ гипотезой главенства мѣстнаго старосты.

Перехожу къ критикѣ „результатовъ“ моего труда. Чего только не наговорено г. Любавскимъ о моей книгѣ „въ достойной формѣ благодарности“. Книга моя — „компилятивная работа“; ею нужно „осторожно пользоваться“; „акты, документы не оживляли представлений г. Леонтовича о литовской старинѣ, не лятали и его рѣчи“. Я де ссылаюсь на акты „большею частью по чужимъ указаніямъ, не читая ихъ или же только бѣгло просматривая“. Я „совершенно закрылъ для глазъ читателя фундаментъ, на которомъ воздвигалъ свою ученую постройку“, и т. д.

Не все, впрочемъ, худо въ моей книгѣ: г. Любавскій открываетъ въ ней и нѣкоторую каплю „научной полезности“. „По сравненію съ моей книгой, книга г. Леонтовича вообще даетъ гораздо болѣе свѣдѣній о князьяхъ и ихъ владѣніяхъ“, и въ этомъ отношеніи моя книга могла бы быть „научной полезностью въ качествѣ справочной книги о князьяхъ и ихъ владѣніяхъ“, еслибы не поспѣшность и невнимательность, съ какой я де трактую свой предметъ. Мой услужливый критикъ и заявляетъ: „мы сочли бы свою цѣль достигнутою, еслибы своими замѣтками намъ удалось хотя бы отчасти возстановить это

значеніе книги г. Леонтовича⁴. Мнѣ остается, понятно, лишь низко поклониться г. Любавскому, благосклонно снизошедшему къ роли моего ментора - пособника. Есть и еще капля „научной полезности“ въ моей книгѣ: „почтенный профессоръ въ общемъ совершенно правильно объясняетъ образованіе Литовско-русскаго государства (впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ критикъ говоритъ иное, — у меня же остался даже не намѣченнымъ самый моментъ, когда закончилось образованіе государства), и мы прочли страницы его книги, посвященныя этому вопросу, съ истиннымъ удовольствіемъ“. Въ концѣ концовъ мой безпристрастный критикъ приходитъ къ слѣдующему плачевному и неутѣшительному для меня „сужденію“ о моей книгѣ; „книга г. Леонтовича нисколько не увеличила свѣдѣній и не усовершенствовала представленій о Литовской Руси“. Молчу и покоряюсь роковому для меня сужденію...

Но оставлю „субъективности“ и перейду къ дѣлу. Свою критику результатовъ моей работы г. Любавскій начинаетъ съ общей ея характеристики. „Почтенный профессоръ *выбралъ* нужный ему матеріалъ“ изъ длиннаго ряда монографій русскихъ и польскихъ ученыхъ, перечисляемыхъ поименно критикомъ; „г. Леонтовичъ не ограничился одною компилятивною работою, но пересмотрѣлъ и *часть* печатныхъ источниковъ, откуда *черпали* его предшественники“ (то-есть, я не пользовался непосредственно и „частью“ источниковъ, а не только всею ихъ совокупностью).

Прошу моего критика обратить свое благосклонное вниманіе на 6-ю страницу моей книги, гдѣ намѣчена ея задача. „Въ русской и польской историко-юридической литературѣ нѣтъ ни одного спеціальнаго изслѣдованія по этому вопросу (объ образованіи территоріи Литовскаго государства); отдѣльныя замѣтки и этюды разбросаны въ общихъ и спеціальныхъ трудахъ по исторіи Литвы и отдѣльныхъ областей. Мы и намѣрены въ настоящемъ очеркѣ *свести въ одно мѣсто то, что сдѣлано по нашему вопросу въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ, и по возможности провѣрить избранный вопросъ документальными данными по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ новѣйшее время*“. Дурно ли, хорошо ли исполнена мной намѣченная задача, — это иной вопросъ; дѣло въ томъ, что задача моей работы именно состояла въ провѣркѣ того, что сдѣлано до меня другими изслѣдователями, — задача далеко не компилятивнаго свойства. Смѣю думать, что, давно знакомый съ историко-юридической литературой и съ первоисточниками (хотя и не архивными),

я не по указкѣ и не компилятивно, а вполне самостоятельно пользовался и учеными монографіями, и непосредственными первоисточниками.

Г. Любавскій, далѣе, ставитъ мнѣ въ вину, что мной „сдѣлано много лишняго“ (стр. 349). Къ излишествамъ критикъ относитъ библиографическія указанія, которыя „не всегда связаны органически съ текстомъ книги“. Г. Любавскій, между прочимъ, указываетъ на извѣстныя статьи Иваннишева („О древнихъ сельскихъ общинахъ“) и Лучицкаго („О сябринномъ землевладѣніи“), какъ на сочиненія, въ которыхъ читатель будто бы не найдетъ ничего по вопросу объ образованіи государственной территоріи. Опять-таки смѣю увѣрить моего критика, что онъ сильно ошибается: и указанныя имъ сочиненія Иваннишева и Лучицкаго прямо соприкасаются съ темой моей работы. Вся бѣда въ томъ, что мой почтенный критикъ своеобразно понимаетъ тему моей работы: по его „сужденію“ все дѣло тутъ въ князьяхъ да княжествахъ, отношеніяхъ ихъ между собой и т. д. Такъ смотря на дѣло, конечно, слѣдуетъ выбросить за бортъ не только Иваннишева и Лучицкаго, но и много другихъ авторовъ. Но вѣрно ль „сужденіе“ моего критика и о темѣ моей работы, и о степени „органической связи“ съ ней авторовъ, приводимыхъ мной въ библиографическихъ указаніяхъ? Думаю, что не вѣрно, и вотъ по какой причинѣ. Прошу ученаго критика справиться съ формулировкой темы моего труда (на 6-й страницѣ) и хоть бы съ курсомъ исторіи русскаго права проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова (I, стр. 8). Тема моей работы разлагается на двѣ отдѣльныя части: а) образованіе территоріи литовскаго государства и б) главнѣйшія формы территоріальныхъ союзовъ, изъ коихъ сложилось это государство. Изданный выпускъ моихъ „Очерковъ“ и представляетъ сильное выполненіе первой части основной темы; послѣдующій выпускъ „Очерковъ“ будетъ имѣть своимъ предметомъ разрѣшеніе второй части темы. Мой критикъ можетъ затѣмъ узнать у Буданова, что къ территоріальнымъ союзамъ, о какихъ будетъ рѣчь во второмъ выпускѣ моихъ „Очерковъ“, относятся, между прочимъ, волости съ „заключающимися въ нихъ, укрѣпленными и неукрѣпленными сельскими общинами“. Въ ученіи о территоріи рѣчь идетъ главнымъ образомъ о *колониационномъ* образованіи земель, слагающихся въ одно государство, а колонизація вѣдь начинается съ первичныхъ „займищъ“, „проробокъ“, „роспашей“, „слѣдовъ“, „дворищъ“ и т. д., переходящихъ эволюционнымъ путемъ въ общины сельскія

и городскія, эти—въ волости, погосты, земли и т. д. Въ виду сказаннаго понятно, почему я *долженъ* былъ привести (на стр. 13—15) извѣстныя мнѣ монографіи и статьи, такъ или иначе касающіяся вопроса объ общинной и земской колонизаци Литвы-Руси, — въ томъ числѣ, конечно, и монографіи Иванишева и Лучицкаго. Оба почтенные изслѣдователя касаются вопроса объ участіи въ колонизационной эволюціи первый сельской общины юго-западной Руси, второй—сябровъ и ихъ посябринъ той же Руси. Разъ Лучицкій и Иванишевъ будутъ, какъ требуетъ г. Любавскій, выброшены за бортъ, за ними, понятно, долженъ послѣдовать туда же и рядъ другихъ авторовъ (Стадницкій, Любомирскій, Мацѣевскій и т. д.). Что же, спрашиваю, останется тогда въ библиографическихъ указаніяхъ по вопросу о ходѣ колонизаци земель, входившихъ въ составъ Литовскаго государства? Г. Любавскому нужно было „повременить“, — сначала справиться, гдѣ слѣдуетъ, что значить государственная территория (не по „обывательскому“, а по научному пониманію), какіе вопросы входятъ въ ученіе о ея образованіи и пр., а затѣмъ уже браться за весьма ответственную роль критика... Изъ статьи г. Любавскаго видно, впрочемъ, что къ критикѣ даннаго вопроса онъ подходилъ съ сложившимся уже готовымъ „сужденіемъ“. У моего критика сложилось представленіе объ образованіи территории въ смыслѣ „сложенія“ ея изъ княжествъ; здѣсь главные вопросы: „чѣмъ были удѣльные князья въ литовско-русскомъ государствѣ, какая была разница между ними и князьями служилыми, въ какой связи состояли многочисленные княжества съ велико-княжескими владѣніями. Для вопроса объ образованіи государственной территоріи, выясненіе всего этого. на мой взглядъ, должно было бы стоять на первомъ планѣ“ (стр. 350). Не находя у Иванишева и Лучицкаго ни словечка по этимъ вопросамъ, г. Любавскій не долго думая, и перѣшилъ безъ милосердія выбросить ихъ за бортъ.

По словамъ г. Любавскаго, излишество въ моей книгѣ „сужденій“ о княжествахъ и князьяхъ „произошло отъ увлеченія матеріаломъ, которымъ пользовался почтенный профессоръ, и который постоянно отвлекалъ его въ сторону побочныхъ *политическихъ, генеалогическихъ и историко-географическихъ* частныхъ въ ущербъ разработки основной темы“ (стр. 350). Дѣйствительно, у меня много говорится о князьяхъ и ихъ генеалогіи, какъ и о другихъ политическихъ и историко-географическихъ частностяхъ. Изъ-за чего все это дѣлалось? Ради любви къ „писанію“, изъ-за увлеченія матеріаломъ?

Ничуть!—ради необходимости, въ видахъ выясненія основной темы, и больше ни для чего. Дѣло въ томъ, что и въ ученіи о государственной территоріи, и въ послѣдующихъ отдѣлахъ моихъ „Очерковъ“, напримѣръ, о государственной власти, управленіи, сословіяхъ и т. д. вездѣ придется имѣть дѣло съ основными типами княжествъ и князей, какъ съ вполне выясненными и точными понятіями,—типами, различно опредѣлявшимися, смотря по княжескимъ родамъ, въ особенности по ихъ генеалогическому происхожденію. Старые удѣльные князья русскихъ земель, оставшіеся въ своихъ удѣлахъ на прежнемъ, владѣтельномъ положеніи и послѣ присоединенія земель къ литовскому государству, были въ иномъ положеніи, чѣмъ князья литовскіе или позднѣйшіе выходцы московскіе, получавшіе господарскія „данины“—вотчины, доживотья и пр.; по положенію и правамъ разнились и литовскіе князья—Гедиминовичи и не-Гедиминовичи. Сообразно съ генеалогіей (если можно такъ выразиться) до известной степени, всегда и вездѣ, опредѣлялись отношенія удѣльных князей къ литовскому государю, къ населенію ихъ волостей и вотчинъ и пр. Значеніе княжеской „генеалогіи“ сказывается еще въ XVI вѣкѣ въ известной погонѣ литовскихъ и русскихъ магнатовъ за усвоеніе княжескихъ „przydomyków“, титуловъ и гербовъ. Словомъ, при томъ пестромъ, личномъ составѣ князей литовскихъ и русскихъ, какой постоянно держался въ литовскомъ государствѣ, генеалогическіе вопросы имѣли существенное, а во многихъ отношеніяхъ и рѣшающее значеніе, напримѣръ, въ дѣлѣ ббльшей или меньшей территоріальной (политической и административной) самостоятельности княжескихъ владѣній и пр. Съ такими вопросами, такъ или иначе, приходится считаться изслѣдователю по многимъ вопросамъ государственнаго и административнаго права (о территоріи, власти, податяхъ и т. п.). Между тѣмъ, когда я приступилъ къ изученію матеріаловъ по избранной мной темѣ объ образованіи территоріи Литовскаго государства и впервые встрѣтился съ вопросами княжеской генеалогіи, сразу оказалось въ этихъ вопросахъ столько запутаннаго и перепутаннаго, что волей-неволей пришлось самому предпринять рядъ экскурсій въ сторону генеалогическихъ и историко-географическихъ розысканій, чтобы сколько нибудь добраться до сути дѣла, установить точныя данныя по вопросу о такомъ или иномъ происхожденіи князей и этимъ путемъ надлежаще ориентироваться при разсмотрѣніи чисто правовыхъ вопросовъ о князьяхъ и ихъ владѣніяхъ. Вотъ чѣмъ объясняется излишество въ моей книгѣ

побочныхъ экскурсій: онѣ были дѣломъ необходимости, а вовсе не „увлеченія матеріаломъ“, какъ утверждаетъ мой критикъ.

Г. Любавскій обвиняетъ меня въ неясности, неопредѣленности, недостаточной рельефности цѣлаго ряда намѣченныхъ мной вопросовъ. Такимъ образомъ, у меня не точно опредѣлены связи, стягивавшія земли въ единую государственную территорію, даже не намѣченъ самый моментъ, когда закончилось ея образованіе (послѣднее рѣшительно не вѣрно,—см. Очерки, стр. 29—36); не разъяснено, чѣмъ были удѣльные князья, чѣмъ разнились они отъ князей служилыхъ (стр. 350), въ чемъ суть владѣтельныхъ правъ князей и т. д. (380—386). „Всѣ тѣ признаки удѣльныхъ князей, которые выдвигаетъ г. Леонтовичъ, оказываются у нихъ общими съ крупными владѣльцами-панами, а потому (!) и не могутъ служить для ихъ характеристики“ (стр. 386). „Утвержденіе, что удѣльные князья вполнѣ самостоятельно распоряжались своимъ удѣломъ, въ такой формѣ (какъ у меня) врядъ ли годится для характеристики удѣльнаго князя“ (стр. 382). Наконецъ, такой же неясностію и неопредѣленностію отличаются сообщаемыя мной свѣдѣнія объ органахъ мѣстнаго управленія (389).

Изъ сказаннаго выше о задачахъ моей работы безпристрастный читатель усмотритъ, что г. Любавскій, ставя мнѣ въ вину всѣ эти неясности и недочеты, произвольно навязываетъ мнѣ такія задачи, которыя вовсе выходятъ изъ рамокъ вопросовъ, поставленныхъ для разрѣшенія въ первомъ выпускѣ „Очерковъ“. Здѣсь вся задача состояла въ разсмотрѣніи данныхъ, выясняющихъ послѣдовательное развитіе Литовскаго государства, какъ въ цѣлой его совокупности, такъ и въ частномъ составѣ областей, присоединявшихся къ Литвѣ или отпадавшихъ отъ нея, съ момента возникновенія государства и до окончательнаго образованія территоріальнаго его состава. Всѣ остальные вопросы подлежатъ детальному разсмотрѣнію въ послѣдующихъ выпускахъ „Очерковъ“. Такіе вопросы, какъ колонизаціонное образованіе земель изъ разнообразныхъ территоріальныхъ союзовъ, связи, стягивавшія эти союзы въ волости и земли, а земли — въ единую государственную территорію и т. д., должны составить, какъ замѣчено раньше, задачу втораго выпуска „Очерковъ“. Затѣмъ, спеціальные вопросы объ удѣльныхъ князьяхъ, ихъ „признакахъ“ и пр. цѣликомъ входятъ въ ученіе о государственной власти, какъ и вопросы о намѣстникахъ, воеводахъ, старостахъ и пр. — въ ученіе о мѣстномъ управленіи, что въ свою очередь составитъ предметъ дальнѣйшихъ отдѣловъ моихъ „Очерковъ“.

Если я касался теперь всѣхъ этихъ вопросовъ, то лишь на сколько это было необходимо для опредѣленія въ общихъ чертахъ одного изъ главныхъ вопросовъ, связанныхъ съ образованіемъ государства и отдѣльныхъ его земель,—вопроса о большей или меньшей территориально-политической обособленности и самостоятельности земель и отдѣльныхъ княжествъ, какъ это и оговаривается иногда въ моей книгѣ ¹⁾). При этомъ не было никакой надобности входить въ подробный анализъ данныхъ съ цѣлью точнаго опредѣленія „признаковъ“ удѣльныхъ князей, ихъ „владѣтельныхъ“ правъ, разницы между княземъ удѣльнымъ и служилымъ, также между ними и крупнымъ паномъ-землевладѣльцемъ, — не было никакой нужды каждый разъ останавливаться на разъясненіи разныхъ общихъ понятій, — напримѣръ, „чѣмъ были удѣльные князья“, въ чемъ выражалась самостоятельность ихъ въ распоряженіи своими удѣлами и т. д. Мой почтенный критикъ, по всему видно, мало знакомый съ общими началами государственнаго права, въ виду недомолвокъ, встрѣчающихся въ моей книгѣ, опровергаетъ или разъясняетъ по-своему такія положенія, которыя для юриста, по своей безспорности, не требуютъ никакихъ разъясненій, а тѣмъ менѣе опроверженій. Мало того: въ своемъ увлеченіи ролью критика г. Любавскій взялся докторальне поучать меня и „будущихъ изслѣдователей“ юридико-политической методики, — напримѣръ, о различіи князей — дѣйствительно „государей“ отъ тѣхъ, которые являются уже въ составѣ высшаго земскаго класса, — о различіи дѣйствительныхъ удѣловъ княжескихъ и пожалованныхъ князьямъ „имѣлій“, положеніе которыхъ опредѣлялось уже ранѣе этого пожалованія (?) и пр. „Въ нашихъ замѣткахъ мы не имѣли претензіи рѣшить поставленныхъ г. Леонтовичемъ вопросовъ (напрасно!), а хотѣли только намѣтить будущимъ изслѣдователямъ путь (какова авторитетность-то!), которымъ по нашему мнѣнію слѣдуетъ подходить къ ихъ рѣшенію, и тѣмъ избавить ихъ отъ напраснаго блужданія вѣстѣ съ г. Леонтовичемъ“ (стр. 388). Смѣю увѣрить моего авторитетнаго ментора, что во всей этой, не по заслугамъ, горделивой тирадѣ онъ ведетъ рѣчь собственно о такихъ вопросахъ, которые для любого юриста — простая азбука методики государственнаго права, — вопросахъ, формулируемыхъ притомъ моимъ критикомъ не совсѣмъ правильно. Изъ моего этюда: „Сословный типъ“ г. Любавскій усмотреть, что, напримѣръ, между „князьями—

¹⁾ См., напримѣръ, „Очеркъ“, стр. 228.

дѣйствительно государями“ и князьями, вошедшими въ составъ шляхты, вовсе не было той принципиальной разницы, какую видитъ г. Любавскій: тѣ и другіе князья, пока владѣли „имѣніями“, не переставали все-таки быть на положеніи старыхъ „господарей“, и такъ было до и послѣ Люблинской уніи, пока существовала Речь Посполитая. Значить, напрасно г. Любавскій ломаетъ копья,—напрасно намѣчаетъ для будущихъ изслѣдователей путь, по которому и самъ блуждаетъ шатко и валко.

Скажу еще пару словъ по поводу приведеннаго выше „сужденія“ г. Любавскаго о томъ, что тѣ „признаки“ удѣльныхъ князей, которые я „выдвигаю“, не могутъ служить для общей ихъ характеристики, яко бы на томъ основаніи, что тѣми же „признаками“ владѣли и крупные паны-землевладѣльцы (стр. 386). Всякій юристъ, прослушавшій исторію и догму права государственнаго, на вопросъ: въ чемъ заключались „владѣтельныя права“ удѣльныхъ князей, отвѣтитъ, что въ компетенцію князей входила уставная функція (право изданія жалованныхъ и уставныхъ грамотъ и пр.), право имѣть бояръ и служилыхъ людей, судить и рядить, распоряжаться повинностями населенія и т. д.,—словомъ, непременно укажетъ на всѣ тѣ „признаки“, какіе „выдвинуты“ въ моей книгѣ. На возраженіе, что такими признаками нельзя характеризовать князей, потому что признаки эти принадлежатъ и крупной, поземельной шляхтѣ, тотъ же юристъ, усвоившій строгую юридическую логику, скажетъ: разъ эти признаки сдѣлались общими для князей и крупныхъ, не титулованныхъ владѣльцевъ, это вовсе не значить, что владѣтельныя права князей атрофировались, улетучились или перестали быть владѣтельными и потому больше „не могутъ служить для характеристики князей“. Въ данномъ случаѣ возможенъ одинъ *логическій* выводъ: въ силу весьма важной эволюціи въ развитіи шляхетскихъ *libertates et jura*, крупные паны-землевладѣльцы сами поднялись до „господарей“, стали на равную ногу съ князьями, не утратившими однако чрезъ это ни единого изъ своихъ правъ.

Г. Любавскій весьма мало касается собственно „результатовъ“, изложенныхъ въ текстѣ моей книги. Онъ самъ сознается, что его критика направляется и подъ текстъ. И дѣйствительно чуть не большая половина его статьи наполнена разборомъ того, что находится у меня подъ текстомъ, въ примѣчаніяхъ, которыя, по словамъ критика, „часто важнѣе содержащагося въ текстѣ“. Здѣсь критикъ свободно разгуливаетъ среди цифровыхъ датъ и цитатъ изъ актовъ и

авторовъ, находится. словомъ, въ компетентной для него сферѣ историко-географическихъ данныхъ: ему и книги въ руки. Критикъ даетъ дѣйствительно нѣкоторыя полезныя указанія, которыя и будутъ приняты во вниманіе въ слѣдующихъ выпускахъ моихъ „Очерковъ“.

Считаю нужнымъ теперь замѣтить, что указываемыя г. Любавскимъ ошибки и промахи были результатомъ не плагиаторскихъ попозновеній съ моей стороны, какъ думаетъ г. Любавскій, а того прискорбнаго обстоятельства, что тѣ именно части моей книги (о литовскихъ и кривичскихъ земляхъ и пр.), гдѣ по преимуществу открываются ошибки и разныя прорухи, просматривались и исправлялись мной въ корректурныхъ листкахъ не въ кабинетѣ (гдѣ подъ рукою могла быть у меня черновая рукопись моей работы), а вдали отъ него (въ Кисловодскѣ), съ возможностью для меня поправокъ почти только грамматическихъ. Отсюда вкрались въ текстъ и примѣчанія къ нему цѣлые ряды ошибокъ, искаженій, пропусковъ цѣлыхъ цитатъ и пр. Для примѣра укажу на 1-е примѣчаніе на стр. 101: его нужно отнести къ 1-му примѣчанію на стр. 97-й, поставивъ послѣднее примѣчаніе на мѣсто перваго. Корректурнымъ недосмотромъ объясняется и казусъ, о которомъ съ такимъ торжествомъ распространяется г. Любавскій, указывая на него, какъ плагиатъ съ моей стороны,—казусъ съ „Глинками“ и Глинскими князьями. Я нарочно справлялся съ сохранившеюся у меня, черновой рукописью: въ ней на первомъ планѣ стоитъ ссылка на соотвѣтственныя мѣста книги г. Любавскаго и ссылка на страницы „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. При наборѣ въ типографіи первой строки примѣчанія оказались пропущенными, а страницы „Сборника“ обозначены номерами. Такъ и осталось все это въ книгѣ: въ Кисловодскѣ я не имѣлъ возможности провѣрить полноту и точность набора этого мѣста въ статьѣ. Самъ г. Любавскій говоритъ (хотя все-таки не безъ задней мысли о плагиатѣ): „въ другихъ мѣстахъ г. Леонтовичъ выбираетъ ссылки изъ книги и при этомъ цитируетъ ее“. Значить, я вовсе не думалъ скрывать своихъ источниковъ,—обвиненіе въ плагиатѣ само собою падаетъ.

Ф. Леонтовичъ.